

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

КАФЕДРА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И КРИМИНАЛИСТИКИ

**ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ДЕЛ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза
очной формы обучения, группы 01001309
Кочетовой Анны Владимировны

Научный руководитель:
доцент кафедры судебной
экспертизы и криминалистики
Юридического института
НИУ «БелГУ», к.филол. н.
Ярощук И. А.

Рецензент:
Эксперт ЭКО УМВД России
по г. Белгороду, майор полиции
Печерикина Н.С.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Понятие и общая характеристика судебно-лингвистической экспертизы	8
1.1. Понятие и сущность судебно-лингвистической экспертизы как отрасли юридической лингвистики.....	8
1.2. Проблема разграничения лингвистического и юридического уровней в лингвистической экспертизе.....	11
1.3. Роль лингвистической экспертизы в процессе установления фактов, имеющих значение для раскрытия преступлений.....	17
Глава II. Общая характеристика экспертных задач, разрешаемых в процессе производства судебно-лингвистической экспертизы	22
2.1. Общая характеристика экспертных задач по делам об оскорблении.....	22
2.2. Общая характеристика экспертных задач по делам об экстремизме.....	28
2.3. Общая характеристика экспертных задач по делам связанных с угрозой.....	35
2.4. Общая характеристика экспертных задач о клевете.....	39
Глава III. Методика решения экспертных задач по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации	46
3.1. Основные методические положения судебной лингвистической экспертизы.....	46
3.2. Понятие чести, достоинства и деловой репутации в текстах права.....	55
3.3. Особенности выявления лингвистических признаков текстов, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.....	59
Заключение	70
Библиографический список использованной литературы	73
Приложение	77

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. На современной стадии развития, судебная экспертиза, в частности судебно-лингвистическая, вносит значительный вклад в обеспечение научных основ российского правосудия. Судебная лингвистическая экспертиза широко востребована по спектру дел в уголовном, гражданском судопроизводстве, по делам об административных правонарушениях, являясь одним из способов доказывания судебной истины.

В настоящее время научно-методический потенциал судебной лингвистической экспертизы достиг высокого уровня, что обеспечивает эффективное решение экспертных задач различных категорий дел. Несмотря на то, что данный вид экспертизы появился относительно недавно, эксперты нуждались в нем уже очень давно, потому как государственные экспертные учреждения оказались во многом не готовы решать те задачи, которые перед ними ставили практические работники, поэтому основная масса экспертиз изначально поручалась негосударственным экспертам, филологам, преподавателям филологических факультетов вузов, учителям русского языка, однако они в свою очередь столкнулись с новой для них проблемой адаптации лингвистического знания для нужд судопроизводства. Стало очевидно, что одних только языковедческих познаний было недостаточно. Для квалифицированного судебно-экспертного исследования продуктов речевой деятельности и установления языковых фактов, обладающих доказательственным значением, требовалось овладеть методологией общей теории судебной экспертизы, изучить криминалистику и другие юридические дисциплины, иными словами требовались специалисты, обладающими специальными знаниями в области лингвистики, но с соответствующим образованием.

Анализируя практику производства судебных лингвистических экспертиз, можно констатировать, что актуальной является задача систематизации ошибок судебной лингвистической экспертизы.

Следовательно, востребованность эксперта-лингвиста для решения задач различной категории дел являются весьма частым событием в современном мире.

Судебное лингвистическое исследование на современном этапе развития относится к одним из приоритетных направлений научного познания. К данному исследованию обращались как отечественные, так и зарубежные учёные-криминалисты, исследования которых посвящены выявлению факторов, анализу, разработке методики исследования.

Однако недостаточно теоретически и методически разработанными остаются вопросы, касающиеся разграничения лингвистического и юридического уровней и вытекающая из этого проблема, ставящихся вопросов эксперту-лингвисту, которые отнюдь не входят в его компетенцию.

Процессуальные ошибки при назначении и производстве судебной лингвистической экспертизы заключаются в нарушении экспертом процессуального порядка и процедуры производства экспертизы.

Очевидно, что для развития нового направления необходимо, во-первых, выработать среди государственных и негосударственных судебных экспертов – лингвистов единый научно-методический подход к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов, занимающихся исследованием устных и письменных текстов, в первую очередь на русском языке.

Следовательно, развитие вопросов касающихся судебно-лингвистической экспертизы зачастую определяются совершенствованием ее теоретических, методических и организационных проблем.

Таким образом, назначение судебно-лингвистической экспертизы, в настоящее время является одной из главных составляющих потребностей следственной и судебной практики, так как в последнее время довольно

часто требуется помощь в разрешении спорных вопросов, касающихся анализа содержательно-смысловой и формальной стороны речевого произведения именно лингвиста.

Успех лингвистической экспертизы зависит от корректности вопросов, поставленных перед экспертами-лингвистами. А фундаментальные научные основы данного раздела судебной лингвистики ещё не в полной мере разработаны, поэтому тема настоящей выпускной квалификационной работы представляется весьма актуальной.

Разработанность темы. В дипломной работе широко использованы труды следующих учёных: Т. В. Аверьяновой, А. Н. Баранова, К. И. Бринева, А. Вежбицкой, Р. С. Белкина, А. Вежбицкой, А. Б. Венгерова, В. В. Виноградова, Е. И. Галяшиной, Н. Д. Голева, В. И. Шляховой и др., труды которых посвящены, прежде всего, формированию лингвистики. Однако с развитием современных технологий и тенденций встает вопрос о расширении исследований в данной области.

Таким образом, высокая практическая значимость лингвистической экспертизы диктует потребность дальнейших теоретических и экспериментальных исследований, а также специальных методических разработок.

Объектом выступает судебно-лингвистическая экспертиза как процессуально регламентированное исследование текста, завершающееся дачей экспертом письменного заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных лингвистических знаний.

Предметом являются экспертные задачи, решаемые при лингвистическом исследовании текстов по различным категориям дел.

Целью данной работы является анализ, систематизация имеющихся в научной литературе теоретических и методических основ судебно-лингвистической экспертизы. Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Определить понятие и сущность судебно-лингвистической экспертизы как отрасли юридической лингвистики.
2. Выявить проблему разграничения лингвистического и юридического уровней в лингвистической экспертизе.
3. Установить роль лингвистической экспертизы в процессе выявления фактов, имеющих значение для раскрытия преступлений.
4. Представить общую характеристику экспертных задач по делам об оскорблении.
5. Представить общую характеристику экспертных задач по делам об экстремизме.
6. Представить общую характеристику экспертных задач по делам, связанных с угрозой.
7. Представить общую характеристику экспертных задач о клевете.
8. Описать основные методические положения судебной лингвистической экспертизы.
9. Определить понятие чести, достоинства и деловой репутации в текстах права.
10. Охарактеризовать особенности выявления лингвистических признаков текстов, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.
11. На практике применить методику исследования экспертных задач по делам о чести, достоинстве и деловой репутации.

Методологическую основу дипломного исследования составили положения диалектического материализма и законы научного познания. Теоретической и методологической базой выпускной квалификационной работы являются достижения философии, логики, психологии криминалистики и теории судебной экспертизы, а также судебной лингвистики.

Правовая основа дипломного исследования базируется на положениях Конституции Российской Федерации; уголовного, гражданского кодексов Российской Федерации; федерального закона Российской Федерации «О

государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также принятых в соответствии с этими источниками иных нормативных правовых актах, относящихся к теме данного исследования.

Структура работы. Дипломное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографического списка и приложения.

ГЛАВА I.

ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕБНО- ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

1.1. Понятие и сущность судебно-лингвистической экспертизы как отрасли юридической лингвистики

Юридическая лингвистика – отрасль прикладной лингвистики, предметом изучения которой является область пресечения языка и права, юридическая лингвистика как отрасль организуется тремя видами отношения между языком и правом¹.

Н. Д. Голев выделяет следующие типы отношений: язык выступает непосредственно объектом правового регулирования, язык выступает как средство, при помощи которого осуществляется регулирование, и язык является предметом исследования, когда, например, в судебном заседании исследуется спорный текст. Последнее отношение как раз и организует лингвистическую экспертологию – один из разделов юридической лингвистики. Не подлежит сомнению, что названное деление может быть принято, однако, требуется уточнение: в отрасли, под названием «лингвистическая экспертология», речевое произведение, скорее, выступает в качестве «следа», отражающего юридически значимую информацию. В этом аспекте лингвистическая экспертиза не противопоставлена другим видам экспертиз, предметами которых являются определенные типы следов – материальных объектов способных отражать различного рода информацию.

Лингвистическая экспертиза включена в другую дисциплину, которая именуется «судебное речеведение», где осуществлена попытка выделения новой отрасли лингвистического знания «судебное речеведение» на основе противопоставления теоретического и прикладного аспектов

---

¹Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. – СПб: труд, 1999. С.67.

лингвистической науки. Безусловно, тот круг проблем, который имеет отношение, например, к лингвистической и автороведческой экспертизам, носит прикладной характер, но то обстоятельство, что факты, выявленные в прикладных исследованиях, не входят в ядро теоретической лингвистики, скорее, говорит о качестве лингвистических теории, нежели о том, что факты являются «только прикладными»¹.

При очевидной неоднородности прикладной и теоретической отраслей знания эти отрасли связаны между собой. Так, теоретическая наука не может игнорировать ни одного интересного факта, выявленного в результате прикладных исследований, а тем более факта, который не имеет объяснения в рамках принятой лингвистической теории либо противоречит такой теории. Остается только сожалеть, о том, что такие факты, как порождение речи в патологических состояниях (включая, например, состояние алкогольного опьянения), мера эффективности автороведческих методик, по-видимому, не представляют никакого интереса для теоретической лингвистики, но, как кажется, нет никакой необходимости в таком положении дел. Если в сфере интересов лингвистической теории будут регулярно включаться такие факты, то она, вероятно, в конце концов, может стать областью специальных познаний, которая способна являться инструментом для прикладных решений. Поэтому, концепция судебного речеведения не может быть принята: лингвистическая теория не достигла еще того уровня, чтобы в ней складывались такие же отношения между прикладным и теоретическим знанием, которые свойственны, например, физике. Лингвистическая теория, как правило, построенная на реалистических основаниях и субъективной теории истины, почти всегда оказывается неприменимой к описанию реального положения дел, что отнюдь не свидетельствует в теории пользу.

Возвращаясь к концепции судебного речеведения, можно обнаружить, что данная концепция может быть принята только в том смысле, в каком-то отношении не является важным, иначе как называть отрасль знания, если в

---

¹Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения // Риторика. – Спб: Труд, 2003. С. 90.

данном случае имеется конкуренция номинативных моделей, а не проблема фактического характера. Так, конкурируют две номинативные модели, первая из них связана с номинацией, организованной по типу «судебная психиатрия», «судебная медицина», вторая – по типу «юридическая психология». Номинация «юридическая лингвистика» все-таки более приемлема.

Юридическая лингвистика – отрасль лингвистики, предметом исследования которой является область пересечения языка и права, и судебная лингвистическая экспертиза является одной из подотраслей этой дисциплины, в этом плане современные исследования в области языка и права более похожи на исследования по юридической психологии, нежели по судебной медицине. Так, в сферу интересов юридической психологии входят не только проблемы психологической экспертизы, но и проблемы, не выходящие непосредственным образом в экспертную практику, например, в ней могут описываться такие предметы, как психология жертвы, психология преступника, психология допроса, психология осмотра места преступления и многое другое.

Потребность в производстве судебной лингвистической экспертизы наиболее часто возникает: в юрисдикционной деятельности компетентных органов по раскрытию и расследованию преступлений (клевета, оскорбление, национальная рознь, вымогательство, нарушение авторских и смежных прав и т. д.), в судебном разбирательстве уголовных и гражданских дел (иски о защите чести, достоинства и деловой репутации, авторских прав и т. д.), арбитражных споров (нарушение авторских и смежных прав, толкование договоров, протоколов, документов хозяйственного оборота и т. д.).

Нередко судебные лингвистические экспертизы производятся при рассмотрении дел в Конституционном суде Российской Федерации.

Следовательно, юридическая лингвистика представляет собой новую прикладную отрасль языкознания, имеющая объектом конфликтогенный текст и принципы его исследования в рамках судебно-лингвистической

экспертизы, кроме того в сферу интересов юридической лингвистики входят: проблема юридического языка, прикладные разработки в области судебного красноречия, в связи с этим лингвистическая экспертиза является лишь составной частью выделившейся отрасли лингвистического знания. Вопрос о том, называть ли эту составную часть судебным речеведением, лингвистической экспертологией или судебной лингвистической экспертизой, не имеет принципиального значения.

Таким образом, судебная лингвистическая экспертиза – актуальнейшее направление судебно-экспертной деятельности, востребованное современной практикой рассмотрения разных категорий гражданских и уголовных дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, по делам об административных правонарушениях.

1.2. Проблема разграничения лингвистического и юридического уровней в лингвистической экспертизе

В лингвистической экспертологией проблема разграничения «юридического» и «лингвистического» уровней решается преимущественно как проблема терминологического характера. Разумеется, она может быть сформулирована в следующем, например, вопросе: «Чем является оскорбление с юридической и лингвистической точек зрения?». Такой характер постановки вопроса обусловлен, тем, что в теоретической лингвистике доминирует реалистический подход к построению теорий. В центре теорий находятся концепты, а не соответствующие или не соответствующие действительности высказывания. В результате того, что слова прилагаются к фрагментам действительности весьма неопределенным образом (в том числе в лингвистике и юриспруденции) и иногда несхожим образом в различных ситуациях, в таком случае делается вывод об истине как интерпретации, отсюда истина полагается зависимой от того, как кто-то что-то понимает и, соответственно, становится субъективной и релятивной.

Полагается, например, что в юриспруденции оскорбление есть умаление чести и достоинства, выраженное в неприличной форме, однако же в лингвистике для оскорбления неприличная форма не является важной, отсюда выводится, что часть квалификаций речевых произведений как оскорблений в лингвистике будет ложной по отношению к квалификациям оскорбления в юриспруденции. Бесспорно, описанная ситуация не имеет отношения к принципу истины как соответствия фактам и не влечет необходимости принятия субъективной теории истины. Очевидно, что судья не решает (по крайней мере, не должен решать) проблему названий, для него не важно, как в лингвистике как науке называются определенные фрагменты реальности, а важны совокупности фактов, которые могут быть описаны в истинных или ложных утверждениях и далее оценены как запрещенные или разрешенные совокупности фактов. Это может быть объяснено, в том числе, и языковыми свойствами правовых норм как определенных типов высказываний. Правовая норма относится по своему характеру к деонтическим высказываниям, высказываниям, которые что-то запрещают и к чему-то обязывают. В теории речевых актов эти высказывания относятся к классу экзерситивов¹. Основная характеристика их заключается в том, что они являются действиями, тот факт, что кто-то говорит, «Я запрещаю», является действием. Основное логическое свойство этих высказываний заключается в том, что они не могут иметь истинностных значений, и в этом смысле они оценочны. Эти высказывания являются высказываниями о ценностях, а не о фактах, но они имеют и фактологический компонент, который является объектом оценки, так как оцениваются всегда факты. Все юридические конструкции, такие, например, как «состав правонарушения» или «презумпция невиновности» являются в этом смысле ценностями. Так, например, приняв презумпцию невиновности, утверждается следующую ценность: пусть лучше будут отпущены фактически виновные, чем осуждены фактически невиновные.

---

¹Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов. – М: избранное, 1999. С. 125.

Нельзя не согласиться с А. Н. Барановым, который ставил под сомнение тот факт, что, например, оскорбление является уголовным преступлением¹. Можно решить, что оскорбление – это гражданско-правовой деликт и, оскорбление без каких-либо трудностей не будет квалифицироваться как общественно опасное деяние, но будет квалифицироваться как то, что способно принести моральный вред и может «рассматриваться» только в гражданско-правовом порядке. Для такого решения, имеются «сильные» метаязыковые показания, и проблема оскорбления трактуется в массовом сознании как личное дело каждого, но не как дело государственной важности, проведение массовых опросов, могло бы достаточно убедительно подтвердить данное положение. В конце концов, попытки «вывести» оскорбление из состава правовых норм, принимая тем самым решение о том, что этот факт безразличен для права и что этот тип отношений должен регулироваться моралью и стихийно сложившимися нормами взаимодействия людей в обществе. И для подобного решения возможно фактическое обоснование: большинство возникающих речевых конфликтов, в которых «фигурирует» оскорбление, именно так и решается. Недалеко от истины утверждение о том, что в процентном отношении судебное решение дел по оскорблению невелико и в каких-то социальных группах решать проблему оскорбления в судебном порядке попросту не престижно. Однако можно не менять ситуацию с оскорблением и продолжать осуществлять уголовное преследование лиц, относительно которых имеются основания полагать, что эти лица совершили преступление, называемое словом «оскорбление». Подобным образом, любое решение никогда не может быть сведено к фактическому положению дел, но всегда является результатом действий и системы ценностей того, кто принимает это решение. Тем не менее, как было отмечено ранее, оцениваются именно факты, а значит, норма всегда формулируется по отношению к какой-то их

---

¹Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М: труд, 2007, С. 550.

совокупности. Для установления фактов назначаются экспертизы, в том числе и лингвистическая. Так что экспертиза, с одной стороны, – процессуальное действие, предназначенное для установления фактов с целью разрешения дела по существу, с другой стороны, экспертиза является исследованием, которое позволяет или не позволяет установить эти факты. С одной стороны, экспертиза вид деятельности, регулируемый процессуальными нормами, предметом регулирования которых являются общественные отношения, складывающиеся в сфере отправления правосудия. С другой, в экспертизе нет ничего юридического, в ней используются научные теории, которые описывают фрагменты реальности, изучение которых входит в предмет конкретной науки, то есть в ней используются научные теории и специально созданные методики, направленные на решение конкретных исследовательских задач.

Рассматривая проблемные вопросы, связанных с юридическими аспектами задач, которые прямо или опосредованно связаны с определением границ компетенции лингвиста можно столкнуться со следующими дилеммами: первая из них связана с определением границ компетенции лингвиста-эксперта, его можно сформулировать следующим образом: «Действительно ли квалификация речевых произведений как например оскорблений или не оскорблений не входит в компетенцию лингвиста-эксперта, и это вытекает из существующих правовых норм?». Вторая дилемма связана с первой, но не дублирует ее, а звучит следующим образом: «Соответствует ли двузначный принцип квалификации речевых произведений (оскорбительно или же неоскорбительно) правовым нормам, регулирующим употребление инвективных высказываний?». Необходимо отметить следующее: во-первых, способно являться не только фактом, который является элементом состава правонарушения, но и фактом,

имеющим доказательственное значение по отношению к составу или доказательственным фактом¹.

Во-вторых, оскорбление как действие входит в состав некоторых правонарушений на альтернативной основе. Примером этому служит ст. 107 УК РФ, которая гласит: «Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, - наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок»².

В-третьих, оскорбление как определенное действие является обязательным элементом состава объективной стороны ряда правонарушений.

Необходимо подчеркнуть следующий факт, именно действие «оскорбление» как явление объективной действительности входит в состав правонарушения. В сущности, неопределенность употребления слова «оскорбление» в частном случае послужила причиной дискуссий по поводу оскорбления. Содержание данных дискуссий сводится к тому, что термины «оскорбление», «честь», «достоинство», «неприличная форма» недостаточно определены в законодательстве. По сути, данные термины употребляются как слова естественного языка, которые неточны и неясны. Это не означает, что для права не существует такого реального феномена, как оскорбление, и что феномен оскорбления релятивен относительно какого-то языка. Релятивность, действительно, присутствует, но не по отношению к указательной или описательной функции языка, а по причине различного

---

¹ Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. – М: наука, 1966, С. 19.

² Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018 с изм. от 25.04.2018N // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I). – ст. 2954.

статуса функций языка лингвистики и языка права. Описательная функция языка права подчиняется цели эффективности принятия решений и нормативным принципам права описательная функция языка лингвистики подчиняется цели истинности такого описания. В языке лингвистики формула, например, такой категории дел как оскорбление выглядит примерно следующим образом: «Это оскорбление, потому что гражданин обладает такими-то и не обладает такими-то свойствами», в языке юриспруденции же – «Это оскорбление, оно обладает следующими признаками, относительно конкретной нормы такой-то признак несуществен, а потому должна применяться эта, а не другая норма или санкция»¹. «Лингвист способен указать на то, что какой-то речевой акт является речевым актом оскорбления, описать саму ситуацию использования речевого акта, другими словами, то речевое событие, которое имело место в действительности и называется в лингвистике словом «оскорбление», и нет никаких оснований помимо собственно лингвистических, которые связаны с отсутствием описания оскорбления, исключать квалификацию конкретного речевого поведения как оскорбления», а юрист оценивает при этом не термин «оскорбление», а то, что произошло, и оценивает произошедшую ситуацию юридически, другими словами, он вынужден решать следующий вопрос: «Достаточно ли тех признаков, которые были выявлены лингвистом и называются словом «оскорбление», для квалификации данной ситуации как преступного деяния

Следовательно, исходя из вышеуказанного лингвистический и юридический уровни расцениваются как независимые друг от друга положения, потому как эксперт-лингвист не может выходить за рамки своих специальных знаний. Разрешаемые судебным экспертом вопросы не должны касаться юридических сторон и элементов уголовного и гражданского дела, так как следователи и судьи сами компетентны в области права. Как отмечает

---

¹ Бринев К. И. Лингвистическая экспертиза текста: типы экспертных задач и методические презумпции. – Барнаул: труд, 2008. С. 232.

И. В Шляхов: «Встречающиеся иногда в практике попытки экспертов решать юридические вопросы (например, о причинах преступления, умысле и мотивах совершения преступных действий) неправомерны»¹.

Таким образом, эксперты-лингвисты не должны решать правовые вопросы, выходящие за пределы их компетенции, в частности, установление факта порочащего характера распространяемых сведений и соответствие или несоответствие этих сведений действительности.

1.3. Роль лингвистической экспертизы в процессе установления фактов, имеющих значения для раскрытия преступления

Как отмечалось и ранее, лингвистическая экспертиза назначается для того, чтобы установить факты, которые необходимы для выяснения истины по делу.

Как известно, все правонарушения делятся по отраслям законодательства следующим образом:

- Уголовные преступления.
- Гражданско-правовые деликты.
- Административные (трудовые) проступки².

Любое правонарушение обладает субъективной и объективной стороной. По отношению к составу правонарушения факты, полученные в результате экспертного исследования, могут являться:

- главными фактами;
- доказательственными фактами.

Под главным фактом понимают – «состав преступления во всех его элементах или факт отсутствия состава преступления»³.

---

¹Шляхов А. Р. Задачи судебной экспертизы // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР: Сб. науч. тр. ВНИИСЭ. – М., 1980. Вып. 42. С. 4.

² Венгеров А. Б. Теория государства и права. М: юриспруденция, 2000. С. 406.

³ Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. – М: наука, 1966, С. 19.

Под доказательственным фактом – «факт, из которого в совокупности с другими фактами можно сделать вывод о главном факте»¹.

Насколько известно, главные факты описаны в диспозиции нормы, тогда как доказательственные не выражены в ней.

Когда перед лингвистом ставится вопрос о том, является ли выражение X утверждением о фактах, то преследуется цель – установить главный факт, входящий в объективную сторону гражданско-правового деликта, но если в рамках той же категории дел задается вопрос о значении слова, то это, безусловно, доказательственный факт. Ставя перед лингвистом такой вопрос, суд полагает, что ответ на него поможет доказать или опровергнуть главный факт.

Лингвистическая экспертиза назначается для установления как доказательственных фактов, так и главных фактов, прежде всего, объективной стороны состава правонарушения. Так, например, установление фактивности либо же оценочности информации является главным фактом по отношению к п. 1 ст. 152 ГК РФ составу правонарушения о защите чести, достоинства и деловой репутации, который фиксируется в диспозиции нормы². Факт наличия / отсутствия неприличной формы является главным фактом, который необходимо установить по делам различных категорий дел, но может являться доказательственным фактом по отношению к делам, разрешаемым в рамках статьи о компенсации морального вреда.

При выполнении исследований эксперт-лингвист сталкивается с еще одной немало важной проблемой доказательственного значения данных при установлении субъективной стороны правонарушения. Данная проблема представлена на примере уголовно-правовой категории «вина», которая как раз призвана фиксировать субъективную сторону правонарушения и одной

---

¹ Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. – М: наука, 1966, С. 21.

² Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) / Собрание законодательства РФ, 05.12.1004, N 32 (ч.1). – ст. 3301.

из ее частных форм – прямого умысла. Несомненно, юридическая категория вины – базовая категория уголовного права, которое основывается, в том числе и на принципе вины. Лингвистическая категория коммуникативного намерения и юридическая категория умысла не являются тождественными, другими словами, эти категории обозначают различные вещи, а не являются переименованиями одного и того же. Так, например, сообщая ложь, говорящий ведет себя так, как если бы он выражал истину, при этом коммуникативное намерение, другими словами иллокуция истины может соответствовать различным фактам, способным квалифицировать умысел. Так говорящий может вести себя так, как если бы он, а) утверждал истину, и он утверждает истину, он может вести себя так, как если бы б) он утверждал истину, но утверждает ложь, в последнем случае б1) он может знать, что утверждает ложь и б2) не знать этого, то есть быть уверенным, что говорит истину. Эти случаи порождают различные юридические последствия, так, например, случай, а) порождает отсутствие состава преступления клеветы, в частности, и вообще состава какого-либо правонарушения, если, конечно, сведения не составляют государственную тайну или не являются распространением информации о частной жизни лица, относительно которой законом установлены ограничения на ее распространение. Случай б1) порождает состав преступления клеветы, случай б2) влечет за собой прекращение уголовного дела о клевете ввиду отсутствия состава преступления, но является гражданско-правовым деликтом, который регулируется нормой о защите чести, достоинстве и деловой репутации.

Таким образом, лингвистические факты могут иметь лишь вероятностное значение для доказательства наличия либо отсутствия умысла и его характера, в некоторых категориях дел данные явления тесно между собой связаны, но все-таки наличие одного не позволяет обосновать наличие другого. На примере речевого акта оскорбления, где умысел и интенция, вероятно, наиболее связаны друг с другом. Структура речевого акта

оскорбления предполагает наличие коммуникативного намерения оскорбить и унижить адресата речи.

Таким образом, употребляя этот речевой акт неискренне, говорящий ведет себя, как если бы он был намерен оскорбить собеседника, поэтому намерение говорящего, скажем, спровоцировать конфликт несущественно для квалификации умысла, в данном случае порождается эффект оскорбления, говорящий знает, что он оскорбляет слушающего, тот факт, что он делает это для того, чтобы посмотреть на поведение слушающего, в данном случае несуществен. Но вполне можно представить и такую ситуацию, когда говорящий употребляет инвективное высказывание, чтобы пошутить, при этом, искренне полагая, что после его (высказывания) произнесения, он объяснит слушающему, что это была шутка, и что слушающий вследствие этого объяснения не сочтет произнесенную в его адрес инвективную фразу оскорблением. Вполне возможно, что слушающий впоследствии, несмотря на объяснения говорящего, будет настаивать на возбуждении уголовного дела по статье 130 УК РФ «Оскорбление»¹, и суду предстоит ответить на вопрос, являлось ли данное поведение тем, что называется словом «оскорбление», то есть был ли у лица прямой умысел на совершение данного преступления.

Следовательно, даже в самых очевидных случаях речевого поведения соотношение между коммуникативным намерением и умыслом носит характер вероятностной связи. В этой связи следователь или судья, очевидно, принимает решение по следующей схеме: «Если нет никаких фактов, указывающих на то, что говорящий был неискренен, то верно Х», следует отметить, что установление самих этих фактов на основе того речевого произведения, которое является объектом исследования, является невозможным, так что лингвист не может установить факт искренности (или

---

¹ Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018 с изм. от 25.04.2018N // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I). – ст. 2954.

неискренности) речевого поведения, говорящего исходя только из этого речевого поведения.

Таким образом, в рамках первой главы:

1. Определено понятие судебно-лингвистической экспертизы как отрасли юридической лингвистики, а также отражена ее сущность в рамках научных результатов исследований, проведенных зарубежными и отечественными учеными.

2. Разрешена проблема разграничения лингвистического и юридического уровней в лингвистической экспертизе, ввиду обоснованности различности этих понятий, на основе научных исследований и правового поля.

3. Установлена роль лингвистической экспертизы в процессе выявления доказательственных фактов, которые имеют значение для раскрытия преступлений.

ГЛАВА II

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ, РАЗРЕШАЕМЫХ В ПРОЦЕССЕ ПРОИХВОДСТВА СУДЕБНО- ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

2.1. Общая характеристика экспертных задач по делам об оскорблении

Оскорбление – является одним из центральных концептов современной юридической лингвистики¹.

В юридическом аспекте, а именно в ст. 5.61 КоАП под оскорблением понимается как унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме².

Таким образом, «неприличной формой» применительно именно к лингвистической экспертизе признается оскорбительная форма, т.е. содержащая оскорбительные для адресата слова и выражения.

В ходе лингвистической экспертизы подтверждается или опровергается оскорбительный характер исследуемых выражений, т.е. подтверждается или опровергается наличие неприличной языковой формы выражения негативной информации.

В компетенцию лингвиста входит:

1. Установление отнесенности спорного высказывания к конкретному лицу.
2. Установление отсутствия либо наличия речевого акта оскорбления.
3. Установление формы передачи информации приличная / неприличная.

---

¹ Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. – Спб: труд, 2008. С. 78.

² Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195–ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства РФ, 03.10.2005, N 40 (ч. I). – ст. 3986.

В компетенцию лингвиста не входит юридическая квалификация материала.

В лингвистической экспертизе не допускаются выводы о том, что Х намеренно (умышленно) оскорбил У, так как квалификация умысла (прямого или косвенного) является юридической квалификацией и не входит в компетенцию лингвиста-эксперта. Не допускаются также выводы об оправданности / неоправданности речевого поведения инвектора.

Такие выводы входят в компетенцию суда, лингвист лишь может указать в качестве экспертной инициативы на факты, которые, по его мнению, значимы для рассмотрения дела, по существу.

В лингвистической практике при установлении признаков оскорбления и в свою очередь анализе спорных речевых произведений лингвисту-эксперту принято отвечать на следующие вопросы:

1. Содержатся ли в представленной на исследование статье или же высказывании «...» негативная информация о некоем лице? В каких конкретно высказываниях содержится негативная информация?

2. Выражена ли оценка в неприличной форме, противоречащей правилам поведения, принятым в обществе?

3. Носят ли высказывания, относящиеся к некоему гражданину, оскорбительный характер?

Таким образом, центральными вопросами при исследовании продуктов речевой деятельности на предмет наличия или же отсутствия признаков оскорбления являются: вопрос о форме передачи информации (приличная или неприличная), а также вопрос о информации адресованности конкретному лицу.

На экспертизу предоставляются печатные и устные тексты, а также фразы, слова, словосочетания, установленные в ходе судебного разбирательства.

Событие оскорбления входит в состав различных по своей природе правонарушений, признаки которых релятивизируются относительно отрасли

законодательства, объекта правонарушения и типа правонарушения. Другими словами, событие оскорбления является для права определенной фактической ситуацией.

Следовательно, задачей лингвистической экспертизы будет заключаться не в том, чтобы определять термин «оскорбление» в праве, а также в его различных отраслях, а в том, чтобы давать описание событию, которое содержит признаки правонарушения.

Речевой акт оскорбления может являться элементом более сложных коммуникативных установок, описание таких «вхождений» – перспектива юридической лингвистики, здесь же укажем на две установки, в которых оскорбление используется в качестве средства для достижения иной коммуникативной цели. К первой из них относится речевое насилие, для которого характерно то, что инвектор имеет основания полагать, что у оскорбленного нет возможности предпринять контрмеры, направленные на пресечение оскорбления¹.

Второй случай, когда оскорбление выступает в качестве средства для провокации конфликта. Для иллюстрации такого примера представлен следующий случай: X идет навстречу группе людей. Когда X проходит мимо этой группы, то за спиной слышит следующее высказывание: «*Эй ты, лопух, ну-ка иди сюда*». X не видит перед собой никого (интерпретируя при этом фразу как обращенную к нему), поворачивается к группе людей и спрашивает: «*Это вы мне?*». Произнесший фразу отвечает: «*Тебе!*», хотя фраза была произнесена по отношению к своему приятелю, который задержался и не находился в поле зрения X-а., данная коммуникативная ситуация будет являться примером того, что оскорбление может являться инструментом провокации конфликта. В общем случае такая установка связана с тем, что говорящему необходимы те действия, которые вызываются классическим речевым актом оскорбления. Оскорбление в данном случае

---

¹ Жельвис В. И. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М: труд, 2007, С. 191

является составной частью манипуляторного речевого акта с измененным параметром условий искренне.

С точки зрения юриспруденции вторичные функции оскорбительных речевых актов не будут важными, так как цели и мотивы производства таких речевых актов несущественности.

Все типы инвективных средств русского языка можно разделить на два вида. Первый из них обладает свойством *«инвективной жесткости»*. Инвективно жесткие контексты – это такие контексты, которые не реагируют на изменение пропозициональных установок.

Последнее высказывание возможно в неинвективной функции, если третье лицо «пересказывает» слова инвектора инвектуму, чтобы подчеркнуть факт нанесенного оскорбления. При этом важно, чтобы инвектум и третье лицо находились в дружеских отношениях, и за этим речевым актом последовала поддержка ивектума третьим лицом в данной конфликтной ситуации.

Вторым типом контекстов считаются «не жестокие». Эти контексты актуализируются под воздействием пропозициональной установки. Например, в контексте *«Да Вы негодяй!»* (игра в удивление) с игровой иллокутивной установкой (по образцу: *«Да Вы шалун!»*) инвективный заряд слова *«негодяй»* нейтрализуется.

Выявленное свойство полезно при исследовании спорных речевых произведений, информация о которых представлена косвенными источниками, например, свидетельскими показаниями. Для исследования таких случаев достаточно установления факта, что X использовал жесткое инвективное высказывание, наличие /отсутствие речевого акта оскорбления в данном случае не зависит ни от интонации, ни от условий употребления. Так, «инвективно жесткое» высказывание, произнесенное в чей-то адрес с доброжелательной интонацией способно лишь усилить эффект оскорбления, этот эффект и возникает из противоречия оскорбительности высказываемого и доброжелательной формы воплощения, которая как бы заставляет

воспринимающего реагировать на оскорбление как на пожелание добра. Особо, пожалуй, стоит остановиться на ограничениях, связанных с применением принципа «инвективной жесткости» при экспертизе, основанной на косвенных источниках.

Контекст «*Ты, негодяй, че делаешь?*» должен признаваться фактом нейтрализации речевых актов, поэтому для категорического вывода по поводу наличия / отсутствия речевого акта оскорбления недостаточно установления факта, что X сказал в адрес Y-а то-то, так как возможно, что присутствовало междометное употребление инвективной лексемы, другими словами выражение чувств и эмоций.

Очевидно, что свойства инвективной жесткости и не жесткости языковых средств связаны с различной степенью предрасположенности вызывать перлокутивный эффект оскорбления, и этот факт не носит метаязыкового характера, как это характерно для явления неприличной формы.

Так, например, в результате проведенных экспериментов было обнаружено, что «тенденция к определенности места слова на шкале инвективности вполне реальна»¹.

Безусловно, этот факт не может быть объяснен нормативно как такой, что в русском речевом коллективе считается, что слово «*дурак*» менее оскорбительно или более прилично, чем слово «*дрянь*», и это факт такого решения, а не свойство лексем русского языка. Например, известен факт, что слово «с*ка» носителями русского языка на метаязыковом уровне оценивается как литературное или как, по крайней мере, находящееся на грани литературного языка, тогда как очевидно, что в реальных речевых произведениях (на уровне пользования языком) оно, скорее, тяготеет к обценным. Так, например, на речевой акт «*Ты с*ка*» более вероятна реакция обценным рядом слов, чем словом «*дурак*» или «*баран*».

---

¹ Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. – М: труд, 2004. С. 160.

Потому более вероятно предположение, что инвективные характеристики лексем и выражений «накапливаются» в них в результате функционирования, так что каждое инвективное слово обладает конкретной степенью предрасположенности вызвать у адресата перлокутивный эффект оскорбления. Вероятно, и предположение о том, что все носители языка умеют пользоваться этими предрасположенностями и, когда они высказывают эти слова, то способны предугадать, который эти слова могут вызвать¹.

Следовательно, цель лингвистической экспертизы по делам об оскорблении – обосновать, что какое-то высказывание может быть обидным для предполагаемого инвектума, а точнее сказать – оправдать обиду инвектума. В этом смысле в практике лингвистических экспертиз исследуются не речевые взаимодействия, а способы построения инвективных – в широком смысле – речевых произведений и способность этих произведений порождать психологическое состояние обиды. Предположим, что, принимая данные положения в качестве исходных, лингвистическая экспертиза в методическом аспекте строится следующим образом.

Таким образом, лингвист интроспективно оценивает речевое произведение с точки зрения возможности нанести обиду инвектуму, отвечая при этом на следующий вопрос: «Если бы я был в позиции инвектума, обиден ли был бы для меня текст?». При положительном ответе на вопрос следующим действием лингвиста является обоснование факта оскорбительности исследуемого текста.

---

¹ Жельвис В. И. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М: труд, 2007, С. 191

2.2. Общая характеристика экспертных задач по делам об экстремизме

Само понятие «экстремизм» трактуется как «деструктивная приверженность крайним мерам и взглядам, главным образом, лишение общественного духа, понимания и терпимости»¹.

Экстремизм проявляется в межнациональных и межконфессиональных идеологических противоречиях, конфликтов в форме массовых беспорядков, актов вандализма и хулиганских действий, пропаганды превосходства или исключительности людей на основе социальной, национальной, расовой, языковой или религиозной принадлежности. Под экстремизмом понимаются также призывы к насильственному изменению конституционных основ страны (революция, восстание, вооруженный мятеж, неповиновение властям). Побуждение к диверсиям, подрывающим обороноспособность и экономическую безопасность, также законодательно подпадает под определение экстремизма. Противоправными являются призывы к незаконному отделению регионов от страны.

Речевой фактор является одним из ведущих в определении некоторых видов экстремистской деятельности, поскольку вербально (словесно) человек может организовывать действия других людей с помощью оценок, суждений, манипуляций или мотивации. Для правильной и квалифицированной оценки противоправных действий, связанных с возбуждением вражды и ненависти, необходимо привлечение профессиональных знаний в области лингвистики.

В компетенцию лингвиста-эксперта по делам экстремистской деятельности входит решение двух задач.

Первая из них заключается в квалификации речевого поведения, говорящего как оскорбления, но уже не по отношению к конкретному физическому лицу, а по отношению к группе лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности и т.п. Решение первой задачи ничем не отличается от того, как она решается по делам об оскорблении.

---

¹ Галяшина, Е. И. Лингвистика против экстремизма. – М: труд, 2006. С. 29.

Вторая задача направлена на установление формы речевого поведения, говорящего.

Уголовный кодекс, а именно статья 282, содержит достаточно широкий перечень тех действий, которые относятся к данной категории экстремистских:

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации:

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения¹.

В экспертное исследование по делам о преступлениях экстремистской направленности, в отличие от других категорий дел, вовлечено самое большое количество разнообразных текстов - различающихся по жанрам, сфере функционирования, сочетания различных типов знаковых систем, объему и пр.: это и тексты из сферы публицистики, интернет-коммуникации, художественной литературы, публичного и частного устного общения.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018 с изм. от 25.04.2018N // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I). – ст. 2954.

Объектами, которые являются сложными и проблемными для анализа, являются тексты религиозной тематики, креолизованные тексты, тексты интернет-коммуникации (посты, репосты, гиперссылки), тексты малого объема (лозунги) и большого объема, вторичные тексты, художественные произведения.

Для исследования эксперту-лингвисту обычно предоставляют: аудио- и видеозаписи разговоров и выступлений; газетные, журнальные и Интернет-публикации (статьи на сайтах, записи в социальных сетях), рукописные тексты; книги, брошюры, плакаты, листовки и другую печатную продукцию; зафиксированное на носителе изображение граффити, стендов, баннеров;

Если анализируется звучащая речь, то ее необходимо дословно расшифровать. Эту процедуру также выполняет специалист-лингвист. Если расшифровка уже предоставлена инициатором экспертизы, то ее необходимо сопроводить носителем с записью. Если необходимо проанализировать печатный текст, то на экспертизу предоставляется издание полностью, вырезка или хорошо читаемая ксерокопия всего текста полностью, содержащая предмет исследования и выходные данные. В случае наличия электронной версии издания можно предоставить ссылку на сетевой ресурс.

Особого внимания требуют материалы интернет-публикаций. Если это статья, то можно предоставить ссылку на сетевой ресурс или принтскрин. В случае анализа текста, помещенного в блоге или сервисе для обмена быстрыми сообщениями (чате), то необходимо предоставить не только бумажную версию данного текста, но и электронную. Это обусловлено тем, что интернет-коммуникация обладает такой специфической чертой, как гиперссылки, которые не могут быть адекватно изучены на бумаге, то есть вне сетевого пространства.

Если исследованию подлежит сайт, то необходимо предоставить архив на цифровом носителе с указанием даты создания архива. Также при экспертном исследовании блога или сайта необходимо предоставить эксперту возможность изучить объект по месту его нахождения в сети

Интернет. Поскольку объекты подобного рода постоянно изменяются, специалист в области интернет-технологий должен закрепить его и предоставить в электронном виде.

В связи с развитием технологической сферы в качестве доказательной базы по делам об экстремизме могут служить и смс-сообщения, содержащие текстовую информацию. В случае анализа смс-сообщений проводится комплексная экспертиза (лингвистическая и компьютерно-техническая), поскольку важно не только текстовое содержание, но и источник распространения информации, причина их возникновения на данном устройстве.

В рамках рассматриваемой категории дел перед экспертами ставятся и вопросы пропозиционального содержания, а также вопросы, связанные с квалификацией действительных намерений говорящего, юридически направленные на установление формы вины лица, обвиняемого в совершении преступления.

Для более полного использования лингвистических знаний, исключения неоднозначности толкований целесообразно не ограничиваться одним вопросом, а предоставлять эксперту на решение несколько вопросов, уточняющих и дополняющих друг друга. Кроме того, в ряде случаев назначается комплексная экспертиза с участием экспертов-религиоведов, антропологов, философов, искусствоведов, психологов и политологов, связано данная проблематика с тем, что лингвист-эксперт анализирует слова, фразы, тексты, но в то же время анализируемый материал может содержать важные неязыковые детали – символы, изображения, фотографии, – которые существенно влияют на общее содержание и смысл.

Перечень примерных вопросов, которые решает эксперт-лингвист:

1. Присутствуют ли в предоставленных на исследование материалах слова или высказывания с негативной оценкой социальной, конфессиональной или национальной группы?

2. Присутствуют ли в предоставленных на исследование материалах фразы, свидетельствующие о пропаганде неполноценности граждан какой-либо национальности или социальной группы в сравнении с другой?

3. Присутствуют ли в предоставленных на исследование материалах призывы к совершению насильственных или враждебных действий в отношении лиц какой-либо национальности?

4. Имеются ли в предоставленных на анализ материалах уничижительные высказывания по отношению к какой-либо национальности, социальной или этнической группе?

5. Содержатся ли в представленных на анализ материалах утверждения о превосходстве какой-либо нации над другой и/или неполноценности какой-либо другой нации?

6. Присутствуют ли в материалах, представленных на анализ, фразы о враждебности какой-либо нации?

7. Содержатся ли в представленных на анализ высказываниях, выражения, положительно оценивающие геноцид, репрессии, депортацию представителей какой-либо конфессии, нации, этнической группы?

8. Присутствуют ли в предоставленных на исследование материалах фразы, призывающие ограничить конституционные права и свободы граждан какой-либо конфессии, нации, этнической группы?

9. Присутствуют ли фразы о враждебной намеренности нации в целом?

10. Есть ли в предоставленных для исследования материалах лозунги, призывающие к совершению противоправных, экстремистских действий?

11. Каковы коммуникативные цели высказывания?

12. Содержит ли представленное на исследование высказывание признаки речевого акта призыва?

13. Имеются ли в анализируемом материале враждебные высказывания по отношению к какой-либо нации?

При решении задачи экспертом в области лингвистики играет не мало важную роль речевой акт призыва, способный оказывать фоновое воздействие на адресата¹.

Призыв как речевой акт:

Участники. Участник 1 – говорящий, Участник 2 – воспринимающий (воспринимающий может представлять собой неопределенную группу лиц).

Иллокутивная цель. Говорящий, произнося высказывание, делает это для того, чтобы побудить слушающего к определенным действиям.

Условие искренности. Говорящий хочет, чтобы цель была достигнута и слушающий выполнил действия, к которым призывает говорящий.

Условия успешности. Для говорящего и слушающего неочевидно, что то, к чему говорящий побуждает слушающего, произойдет само собой (без побуждения слушающего к тому, чтобы он сделал X)².

В качестве примера представлены особенности исследования текстов религиозной тематики, которые всегда были одной из самой непростой задачи для лингвистического анализа. Общеизвестно, что любая религия констатирует, пропагандирует, декларирует свою исключительность. Любая конфессия в связи с этим будет считать себя уникальной, в связи с чем разделение и противопоставление конфессий по сути неизбежно, и это характерно даже для самых миролюбивых и гуманно настроенных религий.

В отношении религиозного исследования текстов в силу его особенностей необходимо исходить из следующих принципов:

- во-первых, необходим комплексный характер исследования с участием религиоведа при анализе текста религиозного содержания;
- во-вторых, обязателен учет культурно-исторического контекста создания спорного материала;

---

¹Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. – М: труд, 2004. – С. 160.

²Баранова. А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М: наука, 2007. С. 592.

- в-третьих, должны действовать особые экспертные презумпции, среди которых нормативность и коммуникативная уместность для данного типа текстов определенных явлений, обусловленных специфической природой таких текстов.

При этом, целесообразен следующий алгоритм работы с религиозными текстами:

1. Сначала эксперт - лингвист выявляет в спорных объектах контексты с заданными значениями;
2. Подробно описывает их;
3. Религиовед интерпретирует их в аспекте нормативности и коммуникативной уместности с позиции особенностей религиозного дискурса¹.

Следовательно, экстремизм проявляется в сфере межнациональных и межконфессиональных идеологических противоречий, конфликтов в форме массовых беспорядков, актов вандализма и хулиганских действий, на основе социальной, национальной, расовой, языковой или религиозной принадлежности, а также в виде призывов к насильственному изменению конституционных основ страны подрывающим обороноспособность и экономическую безопасность.

Таким образом, в ходе лингвистической экспертизы лингвист-эксперт анализирует языковые и речевые средства, используемые в качестве доказательства истины, определяет, имеются ли в анализируемом произведении призывы, естественно, не выходя из рамок своих компетенций, а также устанавливает, имеются ли в анализируемом тексте речевые акты оскорбления на религиозной, расовой или социальной почве, относящиеся к группе лиц.

---

¹ Баранова. А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М: наука, 2007. С. 595.

2.3. Общая характеристика экспертных задач по делам связанных с угрозой

Угроза как форма речевого поведения является наименее разработанным в юридической лингвистике феноменом. Связывается этот факт, безусловно, с внешними причинами – с малым количеством дел, по которым фактически привлекается лингвист для дачи лингвистического исследования. На глубинном уровне, по всей вероятности, это связано с отсутствием необходимости в привлечении специальных познаний при расследовании правонарушений, в состав которых входит угроза. Это, определяется тем обстоятельством, что угроза как форма речевого поведения, во-первых, достаточно четко противопоставляется другими формам поведения, во-вторых, угроза может принимать и невербальные формы, к которым, в частности, относится демонстрация оружия, поэтому доказательства наличия или же отсутствия угрозы в большинстве случаев не представляет большой трудности.

Следовательно, при описании угрозы в аспекте юридико-лингвистической экспертологии необходимо в будущем указать на круг тех ситуаций, в которых квалификация речевого акта угрозы представляет собой определенную «трудность» и в связи с этим может потребовать привлечения специалиста-лингвиста. Другими словами, требуется ответить на вопрос: Какие ситуации, когда говорящий использует угрозу, не смогут быть квалифицированы как угроза без привлечения лица, обладающего специальными познаниями в области лингвистики¹.

Под угрозой в праве, а именно в ст. 119 УК РФ понимается способ действия, используемый в целях оказания психологического давления на объект угрозы. Угроза является способом достижения преступного результата или сама является преступлением в том смысле, что действие,

---

¹Галяшина, Е. И. Правовой статус судебной лингвистической экспертизы. – М: труд, 2002. С. 228-237.

называемое словом «угроза» образует состав такого преступления как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью¹.

В делах, связанных с угрозой, лингвист может решать, только одну задачу, которая связана с квалификацией речевого поведения, говорящего как являющегося либо же не являющегося речевым актом угрозы.

Структура речевого акта угрозы выглядит следующим образом:

1. Участники. Участник 1 – тот, кто высказывает угрозу, Участник 2 тот, в отношении кого высказывается угроза. Участник- 3 третье лицо (канал передачи информации).

2. Условия успешности. У2 не желает наступления негативных состояний.

3. Условия искренности. У1 произносит высказывание с целью побудить У2 к совершению определенных действий.

Угроза как речевой акт способна к нейтрализации, нейтрализуется она с речевым актом «предостережение»².

Компоненты, которые способны к нейтрализации, имеют отношение к способу возникновения негативного события. Тогда как при угрозе негативное событие представляется как результат деятельности говорящего, при «предостережении» факт наступления события не зависит от говорящего, но зависит только от будущего поведения слушающего.

Нейтрализацией этого речевого акта будут являться речевые произведения, содержание которых соотносимо с безличной конструкцией «С вами может случиться, что угодно». Очевидно, данное содержание соотносимо как с угрозой, так и с предостережением. Если в результате исследования выявлено именно такое содержание, то возможны только вероятностные выводы.

---

¹ Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018 с изм. от 25.04.2018N // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I). – ст. 2954.

²Вежбицка А. Дескрипция или цитация в зарубежной лингвистике. – М: наука, 1982. С. 73.

Угроза может быть прямой и косвенной. Косвенная угроза выражена на имплицативном уровне структуры текста, иными словами, текст имплицитно содержит содержательные компоненты, соотносимые с угрозой.

В общем случае косвенная угроза выражается констатирующими высказываниями о будущих негативных состояниях мира.

Естественно, что последний смоделированный вариант речевого поведения является особым случаем описанного речевого акта угрозы. В этом случае интерпретация определенных высказываний как угрозы связана с возможностью извлечения из общего контекста смысла «сделаю так» или «могу сделать так»¹.

Приведем примеры косвенной угрозы и ее квалификации: -«*Бери свои манатки, в машину садись. Мы тебя не тронем, я тебе слово даю. Слово пацана. Тебя никто не тронет. Бери м-, пожитки, поехали в машину. Я тебе слово даю, никто тебя не тронет ни пальцем. Жень. Поверь мне. Я с тобой разговариваю. **Приехали бы сейчас панкратионовцы, они бы тебя сломали бы.** Ты знаешь, что такое вид спорта панкратион? Пошли».* В данном тексте для говорящего и для слушающего очевидно, что всегда сохраняется возможность наступления негативного последствия, которое может быть названо «приезд панкратионовцев с целью «сломать» слушающего», при этом для слушающего очевидно, что говорящий способен сделать так, чтобы приехали панкратионовцы. Говорящий знает, что слушающий знает об этом, и использует это как способ заставить слушающего пойти в машину.

Задачи пропозиционального содержания имеют общую формулу, которая в общем виде выглядит следующим образом: «Представлена ли в тексте информация...?».

---

¹Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. – М: труд, 1999. С. 32.

Вместо многоточия могут быть поставлены различные пропозиции такие, например, как «о неправильном неэтичном поведении лица», «о нарушении лицом действующего законодательства»¹.

Задачи на установление пропозиционального содержания могут быть разделены на две группы.

В первую из них входят задачи, которые, не входят в компетенцию лингвиста-эксперта. Это такие задачи, на установление наличия или отсутствия информации о неэтичном неправильном поведении лица, информации о нарушении лицом действующего законодательства, информация о присвоении властных полномочий, информация о насильственном изменении конституционного строя.

Во вторую группу входят задачи, решение которых также не требует привлечения специалиста-лингвиста, это такие задачи, которые направлены на выявление наличия / отсутствия информации и сбыте психотропных веществ, о наличии негативной и позитивной оценки в тексте. И те, и другие могут быть решены при определенных условиях любым носителем языка².

Следовательно, угрозой признается высказанное или написанное намерение угрожающего нанести физический вред личным, а также общественным интересам. Очень часто можно столкнуться с явлением угрозы в интернете.

Таким образом, поскольку экспертные задачи, связанные с угрозой, находятся в наименьшей степени разработки, наряду с прочими категориями дел, лингвист решает только одну задачу, связанную с квалификацией речевого поведения, говорящего как являющегося либо же не являющегося речевым актом употребления угрозы.

---

¹ Баранова. А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М: наука, 2007. С. 439.

² Галяшина, Е. И. Правовой статус судебной лингвистической экспертизы. – М: труд, 2002. С. 228-237.

2.4. Общая характеристика экспертных задач о клевете

Клеветой в вправе, а именно в УК РФ ст. 128.1 считается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию¹.

Следовательно, понятие клеветы включает три признака:

- унижение (опорочение) чести и достоинства или подрыв репутации;
- умышленность этого деяния;
- ложность распространяемых сведений.

Таким образом, клеветой признается такое унижение чести и достоинства, которое связано с умышленной ложью, но совершенно не обязательно предполагает неприличную форму, в отличие от оскорбления².

В рамках данной категории дел перед лингвистом, как правило, ставятся следующие вопросы:

1. Содержатся ли в тексте негативная информация об физическом лице или субъекте делового оборота?
2. Выражена ли эта информация в форме утверждения о фактах или в форме оценочного суждения или мнения?

На экспертизу предоставляются непосредственные, как правило, печатные тексты и косвенные источники информации.

Относительно данной категории дел остаются не выясненными следующие вопросы:

1. Как в естественном языке противопоставлены утверждения о фактах или «Что происходит, когда мы утверждаем факты» и утверждения оценок или выражения мнений «Что происходит, когда мы утверждаем оценки или выражаем свое мнение?».

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018 с изм. от 25.04.2018N // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I). – ст. 2954.

²Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовно процессе. – М.: Норма, 2008. С. 666.

2. Почему необходимо решать вопрос о наличии или отсутствии негативной информации об X-е?

Фактитивность и оценочность с юридической позиции – это тип ситуаций, которые влекут за собой определенные юридические последствия, и нет никакой необходимости для их рассмотрения только как противопоставленных оскорблению и клевете в том смысле, что оскорбление и клевета – это уголовные дела, а распространение порочащих сведений – это «гражданское дело». Так что, когда в экспертном исследовании решается проблема фактитивности, а не юридическая. На основании этого описания юридическое решение о запрете и санкциях принимает суд.

Таким образом, фактитивность и оценочность в праве полагаются видом событий, относительно которых возможна постановка вопросов, которые способны описать данные действия в высказываниях со значениями «истинно» и «ложно».

Большинство экспертных заключений выполняется по методу интуитивного решения о том, подходит ли данное утверждение под понятие (или в другом аспекте – под определение, а, может быть, под слово) «факт» или нет, а данный метод может быть признан субъективным. Объективным данный метод мог бы быть только в случае, если все люди или лингвисты знали обо всех утверждениях, факты они или мнения, но очевидно, что такого не наблюдается. Так, например, с точки зрения теории познания оказываются принципиально непроверяемыми утверждения с кванторами «всякий», «каждый», другими словами, предложения, построенные по типу «Все лебеди белые», принципиально непроверяемы, сюда же относятся все утверждения, которые являются законами природы (например, любой закон физики принципиально непроверяем)¹.

Необходимо говорить о том, что предложение «*Все лебеди белые*» – это фактическое предложение. Следует отметить, что описанное положение

---

¹Поппер, К.Р. Логика и рост научного знания. – М: труд, 1983. С. 134.

дел справедливо лишь для операций с бесконечными множествами, если множества конечны, то утверждения с квантором «каждый» проверяемы. Это значит, что мы можем проверить, что все столы в каком-то конкретном месте (например, в конкретной комнате) являются небелыми. Во-вторых, наличие у высказывания значения «истина» не означает наличия эффективного способа верификации этого высказывания. Иными словами, высказывание может быть истинным и при этом может не быть способа проверки высказывания на предмет истины / лжи¹.

Таким образом, потенциальная непроверяемость высказывания не может являться критерием для его признания оценочным суждением.

Необходимо остановиться на проблеме разграничения категорий «событие» и «факт», так как отмечалось ранее, эта проблема весьма значима для лингвистической экспертизы. Тот факт, что введены разграничения события и оценки, вероятно, связан именно с деятельностью лингвистов, хотя, конечно, это необязательно, но возможность именно такого положения дел делает важным рассмотрение этого вопроса. В монографии факт определяется как верифицированное утверждение о действительности, событие как описание действительности. При этом важным критерием разграничения является неодинаковое отношения фактов и событий к истинности или отрицанию. Относительно событий полагается, что они либо есть, либо их нет, и они не могут быть истинными и ложными, тогда как относительно фактов принимается обратное. Данное различие объясняется тем, что факт – это интерпретированное событие, факта вне интерпретации не существует. Хотя нельзя не согласиться, что факта вне интерпретации не существует, но не менее правильным считается и утверждение о том, что и события не существуют вне интерпретации, а потому такое решение относительно противопоставления фактов и событий носит словесный характер.

---

¹Поппер, К.Р. Логика и рост научного знания. – М: труд, 1983. С. 138.

Во-первых, ни одно утверждение о факте или событии не может быть верифицировано опытным наблюдением. На это свойство указал К. Поппер: «Каждое дескриптивное утверждение имеет характер теории, гипотезы. Утверждение «Здесь имеется стакан воды» нельзя верифицировать никаким опытом наблюдения. Причина состоит в том, что входящие в него универсалии нельзя отождествить с каким-то конкретным чувственным опытом. Словом, «стакан», например, обозначают физические тела, обнаруживающие определенное законоподобное поведение; то же самое верно и для слова «вода» ...» и далее «Тогда каков же ответ на проблему определения, или введения терминов типа «растворимый...». Допустим, что с помощью «редукционного предложения» Карнапа... нам удалось «свести» *X* растворим в воде к предложению «*если X опущен в воду, то X растворим тогда и только тогда, когда он растворяется*». Однако при этом цель не достигнута, нужно редуцировать термины «вода» и «растворяется» ... Иными словами, при введении предиката «растворим» нужно обращаться к слову вода, которое, по-видимому, является диспозицией даже более высокого уровня, но вдобавок попадаем в порочный круг: мы вводим «растворим» с помощью термина «вода», который, в свою очередь, сам не может быть введен без помощи предиката «растворим», и так далее до бесконечности»¹.

Во-вторых, относительно категории «факт» возможна такая словесная переформулировка, что факт также не будет ни истинным, ни ложным, более того он может только быть и не может не быть. Такая формулировка, например, представлена у Б. Рассела: «У вас есть две пропозиции: «*Сократ мертв*» и «*Сократ не мертв*». И эти две пропозиции соответствуют одному и тому же факту; в мире имеется один факт, который делает одну пропозицию истинной, а другую – ложной»². Встает вопрос, есть ли, и если

---

¹ Поппер, К.Р. Логика и рост научного знания. – М: труд, 1983. С. 457.

² Рассел, Б. Философия логического атомизма. – Новосибирск: труд, 2007. С. 121.

есть то, каково эмпирическое противопоставление фактов и событий? Единственным значимым фактическим разграничением события и факта является то, что высказывание события связано с фактом непосредственного наблюдения ситуации говорящим или потенциальной возможности такого наблюдения, тогда как для утверждения фактов наличие непосредственного наблюдения не является необходимым, поэтому только в этом смысле может быть понято то свойство событий, что они не могут быть ложными или истинными, они либо есть, либо их нет.

Если наблюдается, что дети гуляют и утверждается, что *«Дети гуляют»*, то, вероятно, описывается событие, но если в данный момент мы невидим, что они гуляют, но знаем наверняка, что они гуляют и высказываем утверждение *«Дети гуляют»*, то мы утверждаем фактитивное высказывание. Но это разграничение не имеет практически никакого значения. То, что по отношению к прогулке детей мы можем сказать, с одной стороны, что это событие, а с другой стороны, то, что мы можем наблюдать то, что называется *«прогулка детей»* не представляет какого-либо значения. Во-первых, в принципе все возможно переформулировать в терминах событий или фактов, а во-вторых, по нашему мнению, нет никакой необходимости для выделения высказываний наблюдения в какую-то привилегированную категорию утверждений в том смысле, что только такие высказывания возможно принимать без доказательств, что они не нуждаются в верификации. Такие презумпции могут быть приняты и относительно собственно фактических высказываний (это наименование *«собственно фактический»* которые употребляются здесь, как если бы принималось противопоставление событий и фактов. Решение о том, чтобы в класс проверяемых входили только события, безусловно, приемлемо, но должно быть проведено последовательно, например, с одной стороны должны признать событием следующее утверждение *«Я видел, как X в 13-00 залез в карман Y-у и вытащил оттуда кошелек»* или *«Я видел, как солнце садится за горизонт»*, тогда как необходимо исключить из фактитивного такого предложения, как

«Он нарушил закон» или «Ему пятьдесят лет». Для такого решения, очевидно, есть психологические основания, но нет ни языковых, ни логических оснований.

Относительно приведенных аргументов возможно следующее возражение: когда заниматься я наукой, то, вероятно, можно считать, что термины «факт» и «событие» эквивалентны, но когда рядовые носители русского языка пользуются русским языком в целях коммуникации, то это противопоставление оказывается значимым. Имеется веский аргумент, что это не совсем так. Во-первых, ложность такой позиции вытекает из того, что все носители языка способны трансформировать события в факты и, вероятно, обратно. Любой может произнести предложение: «*Дети гуляют, и тот факт, что они гуляют, мне очень нравится!*». С другой стороны, когда кто-то говорит: «*Он нарушил закон*», он говорит, в том числе, и о том, что имело место какое-либо событие и если его не было, то тот, кто говорит, лжет, тогда как, когда кто-то говорит: «*Дети гуляют*», он высказывает и общие утверждения о том, что тот фрагмент действительности, который ведет себя определенным образом, является детьми, тогда как всегда возможно, что это были взрослые (есть люди, которые остановились в своем развитии и выглядят, как дети) и в этом случае высказывание «*Дети гуляют*» является не непосредственным описанием события, которое либо есть либо нет, но высказыванием, которое не соответствует реальному положению дел, называть ли это высказывание фактом или называть его как-то по-другому не имеет никакого значения.

Таким образом, и высказывания наблюдения, фиксирующие, что было и чего не было, и те высказывания, которые традиционно признаются фактическими и относительно которых принимается, что они могут быть доказаны или опровергнуты, по отношению к реальному миру представляют собой один и тот же тип высказываний в том смысле, что все они могут быть

опровергнуты фактическим положением дел, и в этом отношении все они суть гипотезы¹.

Таким образом, в рамках второй главы:

1. Дана общая характеристика экспертных задач по делам об оскорблении, приведены примеры решения подобных задач, а также отражены рамки эксперта-лингвиста при выполнении экспертиз по делам об оскорблении.

2. Представлена общая характеристика экспертных задач по делам об экстремизме, сформулировано понятие экстремизма, уяснен перечень вопросов к эксперту-лингвисту при решении подобных задач.

3. Дана общая характеристика экспертных задач по делам связанных с угрозой, где четко разграничены рамки эксперта-лингвиста при выполнении подобного рода экспертиз.

4. Представлены общая характеристика экспертных задач по делам связанных с угрозой, разъяснены вопросы, ставящие перед экспертом-лингвистом, а также приведены примеры решения вопросов, в рамках компетенции лингвиста-эксперта.

---

¹Поппер, К.Р. Логика и рост научного знания. – М: труд,1983. С. 457.

ГЛАВА III.

МЕТОДИКА РЕШЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

3.1. Основные методические положения судебной лингвистической экспертизы

Объектами исследования судебной лингвистической экспертизы являются:

Письменные тексты – публикации в периодической печати, печатная или рукописная продукция массового распространения агитационного или информационного содержания, книги или брошюры научно-популярного, или общественно-политического содержания, надписи и другие тексты, зафиксированные на бумажных, фото- или видеоносителях.

Устные тексты – выступления на митингах, собраниях, интервью, переговоры, сообщения и другие тексты, зафиксированные на аудионосителях.

Устные или письменные тексты могут быть исследованы в различных аспектах:

- как носители информации о событиях и ситуациях (предметом анализа является денотативный компонент текста);
- как содержащие оценочные характеристики лица или группы лиц либо свойств и действий лица или группы лиц (предметом анализа является оценочный компонент текста);
- как речевой акт (предметом анализа является иллокутивный компонент текста);
- как речевое событие, имеющее место при тех или иных обстоятельствах (предметом анализа является экстралингвистический компонент текста).

Сущность методики состоит в выявлении и оценке имеющихся в тексте лингвистических признаков разных уровней, характеризующих различные компоненты текста, а также диагностика признаков, характеризующих коммуникативную ситуацию создания и воспроизведения текста, следующими методами:

методом аудитивного перцептивного анализа - исследование голоса и речи участников разговоров (интонационное оформление высказываний; тон и манера речи);

- методом компонентного анализа - определение семного состава слов;
- методами семантико-синтаксического и лексико-семантического анализов - определение значения слов, словосочетаний, предложений в контексте высказывания и сверхфразового единства;

- методом авторизации текста – атрибуция высказываний в устных текстах, содержащих исследуемый семантический компонент значения, по принадлежности говорящему (диктору, читающему текст; корреспонденту; комментатору за кадром; респонденту');

- методом анализа структурной организации текста – выявление и описание структурных единиц текста, их границ и способов оформления; определение в общем виде взаимодействия коммуникантов, целостности и связности текста.

- методом анализа коммуникативной организации текста - актуальное членение текста; определение типа тема-рематической структуры и коммуникативного регистра; анализ тематической прогрессии (смены и развития тем), иерархической сопряженности отдельных тематических блоков;

- методом контент-анализа-количественная оценка содержания коммуникативных единиц, при мягком варианте контент-анализа учитывается имплицитные вхождения коммуникативных единиц и их оценочная составляющая: положительная, отрицательная или нейтральная;

- методом лингвистического анализа стилистических ресурсов-выявление единиц языка, передающих различные коннотации (оценка, эмоции) в процессе их реализации в конкретном тексте;

- методом функционально-стилистического анализа-определение функционально-стилевой принадлежности текстов, а также функционально-стилевых характеристик речи участников разговоров и обезглавливание текста сферой речевого общения;

- методом функционально-прагматического анализа-определение иллокутивной функции высказываниями типа речевого акта;

- методом грамматического анализа предложений, входящих в семантико-синтаксическую структуру высказывания, – выявление грамматического значения на морфологическом и синтаксическом уровнях.

Совокупность признаков, характеризующих объект:

- Текстовые признаки: параметр структуры (по объему и сложности словесной организации), функционально-стилевой параметр (по цели и сфере общения), параметр подготовленности, параметр цельности-связности, параметр соответствия определенному шаблону, параметр степени экспликации замысла, функционально-прагматический параметр (с учетом порождения текста и ответного реагирования), форма языковой репрезентации (устная или письменная), тема текста, содержание текста.

- Синтаксические признаки: разноуровневые синтаксические связи в простом предложении (подчинительная, сочинительная, предикативная, детерминантная), синтаксические связи в осложненном предложении, синтаксические связи в сложном предложении, синтаксические отношения, смысловые отношения (логические основания), характеристика членов предложения с точки зрения структуры (синтаксические функции) и с точки зрения семантики (компоненты пропозиции).

- Лексические признаки: понятийный компонент значения слова (объем и содержание понятия), коннотативный компонент, съемная

структура слова, лексические оппозиции как основа семантических групп (синонимы, омонимы, антонимы), наличие многозначности слова, наличие прямого и переносного значения слов.

- Морфологические и морфемные признаки: способы словоизменения и словообразования, средства выражения грамматического значения слов (грамматические формы), способы выражения грамматического значения (аффиксация, супплетивизм, переход из одной части речи в другую).

- Паралингвистические признаки (для устных текстов): речевокальные характеристики голоса, просодия, артикуляционные признаки (четкость, смазанность артикуляции, темп и др.).

- Экстралингвистические характеристики: характер взаимодействий коммуникантов (стимул-реакция, иерархия отношений), условия (время, место), канал связи коммуникантов, коммуникативные стратегии и тактики, характер эмоций; функционально-ролевая характеристика партнеров статусно-маркированных ситуаций¹.

Оборудование и материалы, которые использует эксперт-лингвист при выполнении поставленных перед ним задач:

- Персональный компьютер с программным обеспечением.
- Устройство ввода (вывода) сигнала (АЦП/ЦАП).
- Кассетная дека.
- Усилитель мощности.
- Эквалайзер графический двухканальный.
- Головные телефоны (наушники).
- Акустическая система.
- Телевизор с размером экрана не менее 15".
- DVD + VHS-видеомагнитофон.
- Сканер.

---

¹ Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М: труд, 2007, С. 550.

- Копировальный аппарат (формат А3).
- Лазерный принтер с двусторонней печатью.
- Комплект информационно-справочных материалов (словари, грамматические и другие справочники). Программное обеспечение для автоматизации типового технологического процесса экспертного исследования устных и письменных текстов.

Эксперт-лингвист при решении поставленных вопросов, выделяет объекты исследования в соответствии с их описанием в постановлении о назначении экспертизы, соблюдая действия в следующем порядке:

1. Установление формы речи представленных на исследование текстов: устная или письменная, персональная или интерперсональная.

2. Установление количества объектов исследования.

3. Если объект один, то устанавливаются текстовые границы (начальные и конечные слова).

4. Если объектов много, то после установления текстовых границ рассматривается возможность их объединения в сложный отдельный текст, соединяющий в себе ряд текстов:

- в устных текстах – на основании результатов фоноскопической экспертизы по идентификации лиц, участвующих в разговорах; на основании информации, полученной из постановления (сведения о пространственно-временных рамках записи разговоров); при наличии ссылок в одном разговоре на другой – на основании общей тематики разговоров;

- в письменных текстах – на основании результатов автороведческой экспертизы по идентификации автора письменных текстов или установления авторского текста по реквизитам предоставленных печатных изданий; на основании сведений, полученных из постановления о назначении экспертизы (сведения о пространственно-временных рамках написания, издания предоставленных текстов); при наличии ссылок в одном тексте на другой - на основании общей тематики; на основании общего носителя для множества текстов (например, статьи в газете).

5. Установление пригодности представленных объектов для лингвистического исследования: понятность, цельность, связность текста, достаточность лингвистических признаков для решения поставленных вопросов.

6. Определение соответствия поставленных вопросов компетенции эксперта-лингвиста.

При решении данных поставленных вопросов лингвисту необходимо соблюдать следующий перечень действий:

При вопросе: *Является ли представленный текст связным и целым?*

1. Определение возможности смыслового понимания текста.

- Текст, доступный для смыслового понимания, обладает следующими признаками: использование вербальных и паравербальных средств русского языка; возможность толкования лексических средств, употребленных в тексте, при помощи лингвистических словарей и справочников; наличие эксплицитности в степени, необходимой для понимания; утрата текстовой информации в пределах языковых единиц, не обладающих самостоятельным значением; отсутствие признаков маскировки.

- Текст, частично доступный для смыслового понимания, обладает следующими признаками; наличие фрагментов, в которых используются средства иного (нерусского) языка, а также средства иных знаковых систем; наличие ошибок в использовании вербальных и паравербальных средств русского языка (орфографических, грамматических, орфоэпических, пунктуационных, лексических и др.), затрудняющих, но не исключающих смыслового понимания текста в целом; наличие фрагментов с утратой текстовой информации, которую можно восстановить по контексту или с опорой на невербальные средства; наличие лексических средств, толкование которых требует использования дополнительной нелингвистической (энциклопедической, специальной) литературы; количество таких лексических средств не препятствует возможности понимания текста в целом; высокая степень имплицитности текста.

- Текст, не доступный для смыслового понимания, обладает следующими признаками: использование вербальных и паравербальных средств нерусского языка; невозможность толкования употребленных лексических средств с помощью лингвистических словарей и справочников; количество таких лексических средств препятствует пониманию текста в целом; наличие многозначности, не снимаемой контекстом; наличие фрагментов с утратой текстовой информации, которую невозможно восстановить по контексту или с опорой на невербальные средства; наличие маскировки содержательных элементов текста, в которых можно определить значения скрытых элементов текста либо их характеристики.

2. Определение, является ли текст простым, сложным или комплексным.

Характеристика структуры текста по объему и сложности словесной организации с учетом функционально-стилевого и функционально-прагматического параметров, а также параметров подготовленности и алгоритмизации структурированности текста.

- Анализ простого текста: определение жанрово-стилевой характеристики и объема (функционально-прагматическая характеристика).

- Анализ сложного и комплексного текстов: определение структурных элементов (часть, глава, абзац, реплика, высказывание и т.д.), их границ и способов оформления выделенных элементов.

- Анализ комплексного текста: характеристика разнородности составляющих частей; описание композиционной структуры текста, взаимного расположения его частей, их функционально-стилевых характеристик, членения на структурные элементы, степени и характера выраженности этих элементов, их последовательности и функций (выделение, дублирование, акцентирование, противопоставление, замена).

Если текст деструктурирован, то дальнейшее исследование не проводится.

3. Определение связности доступного для понимания текста, имеющего структурную организацию.

- Анализ простого текста: определение лексической сочетаемости слов, синтаксической предсказуемости, а также использования графических, невербальных и других средств как способов связи элементов (следует учитывать возможность использования ритмической организации, созвучия элементов текста).

- Анализ сложного письменного текста: определение наличия (отсутствия) тематической прогрессии и связи между языковыми единицами на всех уровнях письменного текста; характеристика расположения частей текста и использования вербальных средств при определении границ частей текста и их связей, паравербальных (графических) средств при его организации (например, положение текста в определенной рубрике).

- Анализ сложного устного текста: характеристика наличия (отсутствия) диалогического единства реплик, их логической, просодической соотнесенности и использования паралингвистических средств связи (следует учитывать, что устный текст допускает более свободные связи между языковыми единицами на любом уровне).

- Анализ комплексного текста: определение использования (неиспользования) композиционных приемов организации структурных частей в единое целое, соотношения структурных частей и взаимосвязи между ними.

Если в тексте отсутствуют признаки связности, то дальнейшее исследование не проводится.

4. Установление, является ли текст цельным.

- Анализ смыслового содержания текста и определение темы текста.
- Соотнесение текста с коммуникативной ситуацией и/или обстоятельствами, известными из постановления о назначении экспертизы.

- В простых и сложных текстах: определение ситуационной либо логической обусловленности смены микротем, выделения структурных частей текста. В комплексных текстах: определение соответствия взаимосвязи структурных частей замыслу¹.

По результатам проведенного исследования эксперт формулирует окончательный вывод.

О наличии признаков цельности и связности представленного текста.

Пример. Представленным текст является связным и цельным.

О наличии признаков связности и отсутствии признаков цельности (наличии признаков нецельности - фрагментарности текста).

Пример. Представленный текст является связным и не является цельным.

О наличии в тексте интересующего следствие или суд предмета речи либо его признаков.

Примеры.

В данном тексте идет речь о купле-продаже наркотических средств.

В данном тексте идет речь о передаче денежных средств от одного собеседника другому.

В тексте имеются высказывания, в которых получили речевое выражение какие-либо факты действительности или положение дел, имеющие отношение к гр. Х.

О вероятном наличии в тексте интересующего следствие или суд предмета речи.

Примеры.

В данном тексте, вероятно, идет речь о купле-продаже наркотических средств.

В данном тексте речь идет о купле-продаже, вероятно, наркотических средств.

---

¹Шляхов А.Р. Задачи судебной экспертизы // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР: Сб. науч. тр. ВНИИСЭ. – М., 1980. Вып. 42. – С. 6.

Об отсутствии интересующего следствие или суд предмета речи.

Пример. В данном тексте высказываний, в которых идет речь о передаче денежных средств от одного собеседника другому, не выявлено.

О наличии признаков маскировки содержательных элементов текста.

Пример. В данном тексте имеются признаки маскировки содержательных элементов текста.

Об отсутствии признаков маскировки содержательных элементов текста.

Пример. В данном тексте признаки маскировки содержательных элементов текста не выявлены.

3.2. Понятие чести, достоинства и деловой репутации в текстах права

С правовой точки зрения честь – это сопровождающееся положительной оценкой отражение качеств лица (физического или юридического) в общественном сознании. Однако тогда определение чести вступает в некоторое противоречие с ее пониманием в ГК РФ как нематериального и неотчуждаемого права личности, если только не понимать это право, как своего рода «презумпцию наличия чести» – допущение, что человек располагает честью, если он не допустил поступков или высказываний, несовместимых с его положительной оценкой в общественном мнении (общественном сознании). Ср. в Комментарий к ГК РФ: «При защите чести и достоинства действует презумпция, согласно которой распространяемые порочащие сведения считаются не соответствующими действительности. Это означает, что доказывать правдивость таких сведений должен тот, кто их распространил»¹.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) / Собрание законодательства РФ, 05.12.1004, N 32 (ч.1). – ст. 3301.

Унижение чести предполагает, что истец ощущает изменение (или считает потенциально возможным изменение) общественного мнения о себе. Это сознательная дискредитация человека в общественном мнении.

Однако, как указывает Комментарий к УК РФ, «наличие унижения и его степень, глубину оценивает в первую очередь сам потерпевший»: объективных, тем более операциональных критериев для доказательства того, что «унижение чести» имело место, в законе и текстах права вообще нет средств нерусского языка; невозможность толкования употребленных лексических средств с помощью лингвистических словарей и справочников; количество таких лексических средств препятствует пониманию текста в целом; наличие многозначности, не снимаемой контекстом; наличие фрагментов с утратой текстовой информации, которую невозможно восстановить по контексту или с опорой на невербальные средства; наличие маскировки содержательных элементов текста, в которых можно определить значения скрытых элементов текста либо их характеристики.

Термин оскорбление в УК РФ ст. 130, есть «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме»¹.

Таким образом,

1. оскорбление предполагает факт унижения чести и достоинства гражданина;

2. унижение чести и достоинства человека осуществляется в неприличной форме.

По А. Анисимову, достоинство – это «самооценка личности, основанная на ее оценке обществом»².

Но сама общественная оценка человека не соотнесена с понятием достоинства. Достоинство есть ощущение человеком своей ценности как

---

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018 с изм. от 25.04.2018N // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I). – ст. 2954.

²Анисимов А.В. Компьютерная лингвистика для всех: Мифы. Алгоритмы. Язык. – М: труд, 1991. С. 127.

человека вообще, конкретной личности, профессионала и т.д. Отсюда понятия личного, профессионального, национального достоинства. Конституция РФ в ст. 21 говорит: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления»¹. Достоинство, как и честь, включается законодателем в число нематериальных прав личности.

Таким образом, понятие достоинства включает в себя сознание человеком своей абстрактной и конкретно-социальной ценности, а также ценности (значимости) социальных групп, в которые он входит т.е. другой вопрос, на какой основе формируются эти группы: чаще всего они являются профессиональными, национальными или конфессиональными. Оно по определению может быть только со знаком «плюс» – есть ли у данного лица те или иные положительные качества и что по поводу этого лица считает общественное мнение, здесь несущественно. Конституция РФ не случайно говорит не об унижении, а об умалении достоинства. Здесь, по-видимому, проведена четкая грань между унижением как дискредитацией человека в общественном мнении и умалением как таким воздействием на общественное мнение, которое противоречит достоинству личности как ее неотъемлемому праву. Нельзя унизить человека в его собственных глазах. Поэтому правильнее было бы говорить не об «унижении чести и достоинства», а об «унижении чести и умалении достоинства».

Понятие репутации в текстах законодательства отсутствует: есть лишь понятие деловой репутации как нематериального права личности (относящегося и к юридическому лицу), не имеющее никакого раскрытия в ГК РФ. (Впрочем, термин «репутация» встречается в УК РФ в статье о клевете, но из контекста видно, что имеется в виду именно и только деловая репутация). Видимо, понятие репутации, раскрываемое в Комментарий к ГК

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ, от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31. – ст. 4398.

РФ как «сложившееся о человеке мнение, основанное на оценке его общественно значимых качеств», есть лишь одна из сторон понятия чести, более широкого, чем понятие репутации. Что касается понятия деловой репутации, то она связывается в текстах права прежде всего с предпринимательской деятельностью и понимается как: «сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании»¹.

Из вышеуказанного следует что, деловая репутация может быть и отрицательной, но, как правило, это сочетание употребляется в положительном смысле: «защита деловой репутации». Понятие престижа или морального престижа законодателем вообще не употребляется и встречается только в юридической литературе. Это оценка данного лица общественным мнением с точки зрения его социальной роли, социального статуса, социального влияния. Поэтому престиж может быть более или менее высоким, но не имеет качественной оценки. Сочетание же «моральный престиж» внутренне противоречиво: прилагательное «моральный», казалось бы, относится к личности человека, а существительное «престиж» — бесспорно, только к его оценке общественным мнением. Что такое «доброе имя» человека — термин, впервые употребленный в тексте нового ГК РФ, — остается пока совершенно непонятным. Видимо, этот термин синонимичен репутации (в общем смысле) и, следовательно, понятие доброго имени подчинено понятию чести. Одним словом, все эти три понятия не определены законодателем и пока не вносят ничего содержательно или процессуально нового.

Таким образом, понятия "честь", "достоинство", "репутация" определяют близкие между собой нравственные категории. Различия между ними лишь в субъективном или объективном подходе при оценке этих качеств.

---

¹ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовно процессе. – М.: Норма, 2008. С. 666.

3.3. Особенности выявления лингвистических признаков текстов, порочащих честь, достоинства и деловую репутацию

1. Оскорбление предполагает факт унижения чести и достоинства гражданина;

2. Унижение чести и достоинства человека осуществляется в неприличной форме.

Таким образом, для установления факта оскорбления в понимании закона эксперту необходимо установить наличие лингвистических признаков унижения чести и достоинства и лингвистических признаков неприличной языковой формы выражения соответствующих сведений о потерпевшем.

Лингвистической экспертизой устанавливаются следующие признаки унижения чести и достоинства, умаления деловой репутации потерпевшего.

1. Сообщение негативных сведений о лице.

Негативные сведения – это сообщаемая о лице или организации негативная информация.

«Негативная информация – это сведения, которые содержат отрицательную характеристику лица – юридического или физического - точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения, в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции¹».

Негативная информация в тексте может быть выражена в следующих формах: утверждение о факте; мнение, оценке. Те или иные выраженные в языковой форме сведения квалифицируются как негативные, если установлено наличие в семантике анализируемых единиц неодобрительного компонента значения, либо неодобрительная оценка выражена в анализируемом высказывании контекстуально, реализована

---

¹Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовно процессе. – М.: Норма, 2008. С. 666.

контекстуальными средствами. Необходимо также соотнести понятия негативная информация и отрицательная оценка личности.

Часто в постановлениях о проведении лингвистической экспертизы правоприменитель ставит вопрос о наличии в тех или иных словах и выражениях отрицательной оценки определенного лица, которая подрывает престиж данного лица в глазах окружающих, наносит ущерб уважению к самому себе. Например, если же женщину называют воровка, мошенница, халявщица, и в тексте есть маркеры, подтверждающие употребление этих слов в прямых, основных значениях, оценка ее личности осуществляется с общественных позиций – ей приписываются некоторые осуждаемые общественной моралью и противоречащие закону действия, характеристики, качества – воровство, мошенничество, стремление жить за счет других, распутство. Это общественная оценка. В таком случае слова обычно реализуются в своих прямых значениях и несут конкретную информацию о нарушении тех или иных моральных или правовых норм. Правовому регулированию подлежат только публичные общественные оценки, которые могут нанести ущерб престижу личности. Личная публичная неодобрительная оценка обычно неуместна с точки зрения речевого этикета, культуры речи, и подлежит моральному осуждению, но ущерба престижу личности такие слова не наносят, поскольку ничего не сообщают о конкретных свойствах или признаках личности.

2. Отнесенность негативных сведений к конкретному лицу.

Установление отнесенности тех или иных сведений к конкретному лицу или организации устанавливается лингвистом в ходе контекстуального анализа текста. Анализируются способы номинации лица или организации в тексте (фамилии, имена, полное название организации,), а также средства синтаксической связи в тексте, обеспечивающие тождество номинации в пределах анализируемого текста (синтаксические средства, обеспечивающие связность текста). Если полный контекст анализируемого текста свидетельствует, что спорные высказывания относятся к конкретному,

названному в тексте в той или иной форме лицу или организации, отнесенность сведений к данному лицу или организации считается установленной.

3. Фактологический характер негативных сведений.

Сведения о лице или организации носят фактологический характер, если они являются утверждениями о фактах, выраженными повествовательными утвердительными или отрицательными предложениями.

Всякая информация (сведения) может быть выражена в форме фактологического утверждения или мнения (предположения, оценки).

Фактологические сведения в процессе экспертизы должны четко отграничиваться от мнений.

Мнение (о фактах, событиях, лицах) – суждение, выражающее чью-нибудь субъективную точку зрения, субъективное (личное) отношение к кому-чему-нибудь. Мнение - это выражение в виде суждения точки зрения или отношение к чему-либо¹.

Мнение – «мысль, предлагаемая без достаточного обоснования, еще как бы официально не принятая, не апробированная необходимой аргументацией и данными фактической проверки»².

Мнение содержит информацию не о самой действительности, а о том, какой образ действительности есть у говорящего³.

Изложение мнения (устно или письменно), в отличие от высказывания о фактах, обязательно предполагает языковое указание на носителя мнения, то есть маркеров мнения - выраженных в языковой форме указаний на носителя мнения.

---

¹Шляхов А.Р. Задачи судебной экспертизы // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР: Сб. науч. тр. ВНИИСЭ. – М., 1980. Вып. 42. – С. 6.

² Баранова. А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М: наука, 2007. С. 439.

³Чернышова Т. В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста– Барнаул: труд, 2000. – С. 236.

Примером данного может служить следующее: *Сидоров уехал* — констатация факта. А высказывания (1) *Я думаю, Сидоров уехал* и (2) *Как думает начальник, Сидоров уехал* — выражают мнения: в первом случае это мнение самого говорящего (*Я думаю*), во втором случае — мнение начальника (*Как думает начальник*). При этом языковая форма выражения указания на носителя мнения может быть, как прямой, так и косвенной (выявляемой из контекста высказывания).

Мнение может выражаться: в форме оценки, в форме предположения, в форме утверждения.

Мнение-оценка, в отличие от мнения-утверждения (фактологического мнения), не может быть истинным или ложным, поскольку оно не может быть проверено на соответствие его действительности.

Мнение-оценка отражает субъективное видение ситуации, его нельзя опровергнуть, а можно только оспорить, предложив раскрыть основания оценки и предложив другие критерии. Например: *По моему мнению, Сидоров просто лентяй.* – На каком основании вы считаете, что он лентяй?

При обсуждении деловых качеств Сидорова можно предложить другие критерии оценки его деятельности – например, отношение к работе, результаты работы и т.д., Например: *Он уже два воскресенья подряд добровольно выходит на работу. Он вовремя сдал отчет. Он все время помогает молодым сотрудникам и т.д.* При обсуждении мнения о честности политика можно предложить другие критерии честности/бесчестности в политике. Высказывания, носящие оценочный характер (критическое мнение, отрицательная оценка, если они не носят оскорбительного характера) не являются предметом правового регулирования, т. к. не образуют состава ни уголовного, ни гражданско-правового правонарушения. Каждый имеет право выражать свое мнение, в том числе и оценивать происходящее.

Для признания текста унижающим честь и достоинство лица или организации, спорный текст должен иметь публичный характер, то есть

распространяемая информация должна быть распространена публично, должна быть предназначена для широкого круга лиц.

«Под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу»¹.

Установление публичного характера распространенной информации осуществляется лингвистом методом лексико-семантического и жанрового анализа текста, также анализом коммуникативной ситуации. В процессе анализа спорного текста устанавливается, предназначен ли спорный для публичного использования по своим семантико-стилистическим характеристикам, а также принадлежит ли текст к жанрам, используемым в печати, на радио и телевидении, в сети Интернет, изложены ли сведения в официальных служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностными лицами под., а также, если текст устный, то произнесены ли соответствующие высказывания публично – в присутствии хотя бы одного постороннего человека, свидетеля.

Установление публичного характера текста влечет заключение о публичном характере распространенной информации.

Установление порочащего характера сообщаемых о лице сведений осуществляется через анализ содержания высказываний в адрес данного лица и выявление среди них высказываний, содержащих в прямой или косвенной форме утверждения о нарушении лицом правовых или моральных норм.

---

¹ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 3, г. Москва, 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Следовательно, для того, чтобы можно было признать порочащими те или иные сведения, относящиеся к тому или иному лицу, необходимо, чтобы в тексте содержалась в фактологической форме информация о совершении непосредственно данным лицом какого-либо действия (или бездействия), осуждаемого как правонарушение или аморальный поступок.

Установление высказываний, содержащих в фактологической форме информацию о совершении действия, осуждаемого как правонарушение или аморальный поступок, свидетельствует о наличии в тексте сведений, порочащих конкретное лицо. Для квалификации тех или иных слов и выражений как унижающих честь и достоинство лица, необходимо, чтобы спорный текст по своей цели был информационным по характеру – официально-деловым или информационно-публицистическим.

Если текст устный, в нем должна реализовываться установка автора на публичное сообщение негативных сведений окружающим, на то, чтобы сделать негативные сведения о том или ином лице достоянием окружающих людей, специально сообщить соответствующие негативные факты окружающим, чтобы опозорить, унизить достоинство человека в глазах окружающих.

Данная характеристика устанавливается анализом коммуникативной ситуации. Если высказываемые негативные сведения выступают как чистое выражение негативной эмоции говорящего, его раздражения, текст не признается информационным по содержанию.

Нормативность и не нормативность тех или иных единиц языка не постоянные, раз и навсегда определенные характеристики соответствующих языковых единиц, а лишь определяемая семантикой этих единиц тенденция к тому, чтобы употреблять их как таковые: к примеру, одна и та же единица может оказаться в одних ситуациях ненормативной, а в других может не иметь такого статуса, поэтому принципиально важен контекст употребления ненормативной единицы.

Нормативный пласт лексико-фразеологической системы языка образуют литературная и разговорная лексика и фразеология - то есть такая, употребление которой соответствует принятым в обществе нормам литературной и разговорной речи.

Литературная лексика – это лексика, которую можно в равной мере использовать в письменной и устной речи (говорить, читать, президент, парламент, хлеб, окно, бежать, просить, общение и т.д.).

Разговорная лексика – лексика, уместная в устной речи, но неуместная, ощущаемая как инородная в письменной (отдуться за кого-то, напрягаться, и т.д.).

Таким образом, приличная лексика, приличная языковая форма выражения мысли – это использование нормативной (приличной) лексики и фразеологии.

Ненормативная лексика и фразеология – это функциональный пласт лексики и фразеологии, в языковом сознании общества и в общественном мнении рассматриваемый как содержащий единицы, подлежащие исключению из публичного употребления (то есть из употребления в общественных местах).

Общественное место – это территория публичного сообщения, то есть такая территория, на которой находится группа людей, в числе которых есть лица, не связанные с говорящим какими-либо личными отношениями и которые также являются участниками или свидетелями общения. Другими словами, ненормативная лексика – это та, которую нельзя употреблять при свидетелях, «чужих» людях.

Среди ненормативной лексики языковое сознание достаточно рельефно выделяет четыре разряда – сниженную, вульгарную, бранную и нецензурную.

Сниженная лексика (сленг, жаргон, просторечие) – это лексика, употребление которой в публичной сфере обычно признается неуместным, некультурным, и при этом негативно характеризующим прежде всего

говорящего, уровень его речевой и общей культуры. Однако такие слова могут быть функционально уместны внутри определенных социальных, возрастных, территориальных, гендерных групп, межличностных сообществ (например, группа друзей, семья), а также в определенных коммуникативных ситуациях (например, в условиях общего эмоционального подъема группы общающихся или, наоборот, группового раздражения). Употребление сниженных единиц, как правило, чаще всего вовсе не отражает намерения говорящего как-либо оскорбить, шокировать или унижить окружающих; носитель сниженной лексики часто вообще не обращает внимания на окружающих, его речь отражает привычное в его среде словоупотребление.

Вульгарная лексика – лексика, используемая грубыми некультурными, невоспитанными людьми, игнорирующими нормы культуры речи, установленные в обществе.

Таким образом, основное различие нормативной и ненормативной лексики – в допустимости ее публичного употребления: нормативная допустима, ненормативная недопустима в публичном употреблении.

В процессе экспертизы устанавливается, используется ли спорная языковая форма для негативной характеристики личности в целом (мерзавец, подлец, и др.), или языковая форма характеризует отдельные поступки или слова данного человека (поступил, как трус), а не в целом как личность¹.

В первом случае фиксируется оскорбительный характер языковой характеристики личности, во втором – нет, поскольку в последнем случае не характеризуется личность как таковая, а характеризуется ее отдельное проявление, действие в конкретной ситуации через языковое сопоставление с некоторым эталоном, что является выразительным приемом речи.

При этом анализ значения слова в лингвистической экспертизе производится в конкретных контекстах их употребления. Некоторые слова – фашист, садист, мясник, и др. по своей семантике обобщенно характеризуют лицо, к которому они обращены, относят его к классу социально

---

¹Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М: труд, 1985. С. 340.

неодобряемых лиц, но в контексте их употребления в анализируемой ситуации они могут использоваться не в прямых, а в переносных эмоционально-неодобрительных значениях, и в таком случае они не дают обобщенную информацию о принадлежности называемого ими лица к какому-либо морально или с точки зрения закона осуждаемому типу (классу) людей, а просто сообщают об эмоциональной неприязни к номинируемому ими лицу, имеют бранный характер.

Таким образом, в контексте употребления такие единицы не будут иметь обобщающего характера.

В анализируемой коммуникативной ситуации могут быть выявлены языковые и коммуникативные маркеры, указывающие на умышленность высказанного оскорбления (фразы типа – «пусть все слышат!», «пусть все знают, что ты за человек!», повышенная громкость речи в расчете на то, чтобы услышали, как можно большее количество людей, агрессивное приближение к оскорбляемому и под.).

Об умышленности оскорбления могут свидетельствовать в тексте речевые маркеры намерения («я тебе выскажу!»), громкость фразы, визуальный контакт с адресатом, определенная синтаксическая конструкция высказывания, отражающая логическое ударение, и т.д., что может быть установлено экспертом-лингвистом при анализе текста и материалов дела).

Однако окончательно вывод о наличии умысла устанавливает суд, который опирается на материалы экспертизы и судебное следствие.

Таким образом, методами установления в спорном тексте выражений, которые по своей семантике и употреблению могут быть интерпретированы как унижающие честь и достоинство истца:

1. Наличие в тексте негативных сведений о лице устанавливается лингвистом методами лексико-семантического анализа.

2. Отнесенность тех или иных сведений к конкретному лицу или организации устанавливается лингвистом в ходе анализа текста методами контекстуального анализа.

3. Фактологический характер сведений устанавливается лингвистом в ходе лексико-семантического анализа содержания и языковой формы высказываний в тексте.

4. Публичный характер распространения сведений устанавливается лингвистом методом коммуникативного, жанрового и лексико-семантического и анализа текста.

5. Порочащий характер сведений устанавливается лингвистом в ходе анализа содержания и формы высказываний в адрес того или иного лица.

6. Информационный характер текста, информационная установка автора устанавливается путем жанрового анализа текста, лексико-семантического анализа текста, анализа коммуникативной ситуации.

7. Несоответствие негативных сведений действительности устанавливается судом в ходе исследования обстоятельств дела.

8. Обобщенность негативной характеристики адресата устанавливается семантическим анализом спорных единиц.

9. Наличие доказанного умысла на оскорбление устанавливается коммуникативным, прагмалингвистическим анализом текста, а также судом.

10. Несоответствие сообщаемых негативных сведений действительности устанавливается судом.

При назначении лингвистической экспертизы по искам об оскорблении правоприменитель часто ставит вопросы, касающиеся выяснения оскорбительного характера тех или иных слов и выражений, например:

1. Являются ли слова А, В, С языковыми единицами, носящими оскорбительный характер, унижающими честь и достоинство потерпевшего Х в неприличной форме?

2. Содержатся ли в высказываниях А, В, С слова, словосочетания или фразы, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?

3. Носят ли высказывания А, В, С, относящиеся к Х., оскорбительный характер?

Лингвистический анализ показывает, что понятие оскорбительная лексика как особый, закрытый по своему составу класс слов, в лингвистике отсутствует (в отличие от нецензурной лексики). Это связано с двумя основными обстоятельствами.

Таким образом, оценить тот или иной поступок и высказывание как неподобающие можно либо с позиции индивидуальных субъективных представлений о приличном/неприличном, пристойном/непристойном, либо с позиций общественной морали (что опять же нуждается в уточнении). Кроме того, определение «неподобающий» указывает на необходимость анализа контекста и ситуации, в рамках которых было произведено определенное действия (словесное или физическое), так как признак «неподобающий» имеет ситуативный характер.

Следовательно, одно и то же действие в разных ситуациях и с разными участниками может быть квалифицировано и не квалифицировано как оскорбительное.

Таким образом, для выявления лингвистических признаков, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию необходимо, чтобы в тексте содержались выражения, сообщающие информацию о нарушении лицом конкретных моральных норм или законов, а также чтобы подобная информация была выражена в нецензурной форме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебно-лингвистическая экспертиза на современном этапе развития является одним из приоритетных направлений научного познания. Как было установлено в рамках дипломной работы, к лингвистическому исследованию обращались отечественные и зарубежные учёные. Анализ научных трудов относительно развития данного рода экспертного исследования показал, что оно во многом определяется совершенствованием его теоретических, методических и организационных основ.

Несомненно, специальные лингвистические знания необходимы, когда значение сказанного или написанного текста неочевидна, смысловое содержание речевого факта требует уяснения, необходимо выявить прагматику текста, его стилистическую или эмоционально-экспрессивную окраску. Экспертное исследование актуально, когда контекст не снимает языковой неопределенности, не позволяет однозначно эксплицировать смысл слова или высказывания. Лингвистическая экспертиза важна не только для анализа плана содержания, но и плана выражения языкового элемента, когда не соблюдаются правила орфографии и пунктуации, грамматики, стилистики, синтаксические и лексические нормы русского языка.

Лингвистический анализ содержательно-смысловой и формальной стороны речевого произведения является основным способом установления словесных конструкций и языковых единиц, подпадающих под признаки конкретного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена российским законодательством. Если юрист не может без лингвиста решить, нарушают ли определенную правовую норму те или иные речевые действия, то назначение и проведение судебной лингвистической экспертизы признается необходимым. В таком случае выявление языковых показателей речевых правонарушений выступает в качестве основной экспертной задачи.

Определение предмета, объектов и задачи судебно-лингвистической экспертизы имеет большое значение для методологической организации

всего исследования, что определяет весь ход экспертизы в качестве единого и целостного процесса.

Таким образом, мы пришли к выводу, что судебная лингвистическая экспертиза – это процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного или письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в языкознании и судебном речеведении.

Применение правовой лингвистики широко используется в решении задач следующих категорий дел:

В уголовном праве при расследовании преступлений, предусмотренных статьями, в которых преступным считается словесное деяние: клевета, оскорбление, возбуждение вражды и ненависти, унижение достоинства по расовым, религиозным, националистическим и т.п. признакам. Сюда же относится ложная реклама, незаконное использование бренда, нарушение авторских, смежных, патентных прав, распространение порнографии (явной и скрытой). Пропаганда наркотиков в рекламе, листовках, печатных изданиях может относиться и к уголовной, и к административной сфере права, в зависимости от квалификации.

В гражданском праве – в судопроизводстве по исковым заявлениям о защите деловой репутации, чести и достоинства, плюс защита авторских, патентных, изобретательских прав и т.п.

Лингвистическая экспертиза позволяет четко ответить на вопрос о том, какой смысл был заложен во фразе или отрывке текста, однако при решении вопросов эксперты-лингвисты не должны решать правовые вопросы, выходящие за пределы их компетенции.

Таким образом, лингвистическая экспертиза представляет собой совершенно особый вид лингвистического исследования для целей установления обстоятельств, нуждающихся в доказательстве в рамках уголовного или гражданского процесса. Лингвистическая экспертиза текста, как и любой другой вид экспертных исследований в рамках судебных и

досудебных разбирательств является доказательной базой, она назначается для того чтобы установить точные факты, если эти факты не могут быть установлены иным способом, но исключительно с помощью эксперта, который обладает специальными познаниями в области лингвистики и лингвистической экспертизы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1) Нормативно-правовая база

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ, от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31. – ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018 с изм. от 25.04.2018) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I). – ст. 2954.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) / Собрание законодательства РФ, 05.12.1004, N 32 (ч.1). – ст. 3301.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195–ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства РФ, 03.10.2005, N 40 (ч. I). – ст. 3986.

5. Федеральный закон от 31 мая 2001 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ, 4.06.2001 N 23. – ст. 2291.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. – 15.03.2005. – №166.

2) Научная литература

1. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза: Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. – М.: Норма, 2006. – 480 с.
2. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
3. Бринев, К. И. Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции / К. И. Бринев // Юрислингвистика: Истина в языке и праве: Межвузовский сборник научных трудов. / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2008. – С. 232-249.
4. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – 2-е изд., доп. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.
5. Бринев, К. И. Реклама в парадигме инвективности / К. И. Бринев // Юрислингвистика 8: Русский язык и современное российское право: Сб. научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, – Барнаул, 2007. – С.402-405.
6. Вежбицкая, А. Дескрипция или цитация / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. – М., 1982. – 54 с.
7. Венгеров А. Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А. Б. Венгеров. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
8. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М., 1985. – С. 340.
9. Галяшина, Е. И. Лингвистика против экстремизма / Е. И. Галяшина. – М., 2006.
10. Галяшина, Е. И. Основы судебного речеведения: Монография / Галяшина Е. И. – М.: СТЭНСИ, 2003. – 236 с.
11. Галяшина, Е. И. Правовой статус судебной лингвистической экспертизы / Галяшина Е. И. // Цена слова. – М.: СТЭНСИ, 2002. – С. 228-237.

12. Голев, Н. Д. Антиномии русской орфографии / Н. Д. Голев. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 160 с.

13. Голев, Н. Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы / Голев Н. Д. // Юрислингвистика -3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 14-29.

14. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Меж вуз. сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул.: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 7-38.

15. Жельвис, В. И. Инвектива / В. И. Жельвис // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 187-195.

16. Жельвис, В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия / В. И. Жельвис // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул.: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 223-236.

17. Кирилин, К. А. Опровержение и ответ как механизм реализации информационных прав личности: «де-юре» и «де-факто» / К. А. Кирилин // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 172-188.

18. Остин, Дж. Как совершать действия при помощи слов / Дж. Остин // Избранное. – М., 1999.

19. Поппер, К. Р. Логика и рост научного знания / К.Р. Поппер. – М., 1983. – С. 134.

20. Рассел, Б. Философия логического атомизма / Б. Рассел // Избранные труды. – Новосибирск: Сиб. унив. издательство, 2007. – С. 121 – 223.

21. Рассел, Б. Человеческое познание его сфера и границы / Б. Рассел. – Киев.: Ника-Центр, 1997. – 560 с.

22. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовно процессе / Е. Р. Россинская. – М.: Норма, 2008. – 666 с.

23. Цена слова – М.: СТЭНСИ, 2002. – 336 с.

24. Чернышова, Т. В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста / Т.В. Чернышова // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 236-244.

25. Шляхов, А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение / А. Р. Шляхов. – М., 1979.

Приложение

**УМВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УПРАВЛЕНИЕ МВД РОССИИ ПО Г. БЕЛГОРОДУ
ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ**

г. Белгород, ул. Губкина 11 "б"

тел. 38-59-98

Мне, эксперту Кочетовой Анне Владимировне, разъяснены права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ.

Одновременно я предупреждена об уголовной ответственности в соответствии со ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения.

05 мая 2018 года*Лингвистическое заключение**№ 999**7 мая 2018 года*

Эксперт Кочетова А. В., имеющая неоконченное высшее юридическое образование и стаж работы по экспертной специальности более одного года на основании постановления о назначении экспертизы от 05 мая 2018 года, вынесенного старшим следователем отдела №3 СУ УМВД России по г. Белгороду капитаном юстиции Исаковой Н. В., по материалам уголовного дела № 0505201800098, произвела лингвистическое исследование.

Время начала производства экспертизы: 10:00 05.05.2018 г.

Время окончания производства экспертизы: 17:00 07. 05.2018 г.

Место проведения Экспертно-криминалистический отдел УМВД России по городу Белгороду.

Обстоятельство дела:

Гр. Трунов А.А. обратился в суд с иском к Прокопенко И.В., о защите чести, достоинства и взыскании морального вреда, ссылаясь на то, что 01.05.2018 г. на территории СО «Яблонька» расположенного в Октябрьском районе г. Новосибирска за домом 11 поул. Солнечная, проводилось отчетно-выборное собрание садоводов.

Эксперт _____ *Кочетова А.В.*

На данном собрании председателем СО «Яблонька» Прокопенко И.В. были высказаны оскорбления в его адрес, а именно, что он: 1) «очень страшный человек»; 2) «алкаш и пьяница»; 3) «разворовал все садовое общество, едешь на машине с прицепом и собираешь металлолом».

На экспертизу предоставлено:

1. Протокол осмотра доказательств серия 23 АБ № 0705201800098 от 07.05.2018 г. на 12 листах. В рамках протокола:

а) конверт с диском видеозаписи;

Перед экспертом поставлены вопросы:

1. Содержат ли следующие утверждения, высказанные Прокопенко И.В. на общем собрании 05.05.2018 г. «страшный человек» и «разворовал все садовое общество, едешь на машине с прицепом и собираешь металлолом», неправильного, неэтичного поведения в отношении истца Трунова А.А., которые носят оскорбительный характер, унижают честь и достоинство последнего?

2. Содержатся ли в приведенном тексте высказываний, сведения, содержащие негативную оценку Трунова А.А. или его действий, унижающие честь и достоинство гражданина?

В процессе исследования и оформления текста лингвистического заключения использовались следующие термины и определения:

Адресант – субъект речи, говорящий.

Адресат – воспринимающий сообщение, слушающий или читающий.

Аудитивный перцептивный анализ – анализ интонационного оформления высказываний; тона и манеры речи.

Вербальные средства языка – это словесные средства общения, выражающие мысли, чувства и волеизъявления людей.

Имплицитность – не выраженность, наличие скрытого смысла.

Коммуникативная ситуация — это динамическая совокупность всех обстоятельств, в которых протекает общение.

Компонентный анализ – метод исследования плана содержания значимых единиц языка, целью которого является разложение значения на минимальные семантические составляющие – семы.

Концептуальный анализ – интерпретация смысла текста.

Эксперт _____ Кочетова А.В.

Негативная информация – это сведения, которые содержат отрицательную характеристику лица – юридического или физического – с точки зрения здравого смысла, морали («неписаного закона») или с правовой точки зрения (в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции).

Пресуппозиция – это невыраженное словесно утверждение, которое подразумевается говорящим и слушающим (пишущим и читающим), и без истинности которого предложение не имеет корректного смысла или ложно.

Пропозиция (пропозициональный компонент) – это логическая, внеязыковая модель обозначаемой предложением ситуации.

Сема– минимальная, предельная, далее не членимая составная часть лексического значения слова.

Утверждение – это мысль, положение, высказывание, утверждающее что-либо; суждение, в котором отражается связь предмета и его признаков.

Фактологические утверждение – это суждение, высказывание о фактах(фактологическое высказывание, фактологическое утверждение), языковая констатация факта.

Эксплицитность – точность и полнота формулировок, явная форма выражения значения.

Исследование

Эксперту на исследование поступил протокол осмотра доказательств серия 23 АБ № 0705201800098 от 05.05.2018 г., на втором листе которого в пункте 5 представлена стенограмма двух фрагментов видеозаписи.

В качестве приложения 32 к протоколу осмотра доказательств представлен объект, упакованный в бумажный конверт белого цвета, размерами 125x125 мм с пояснительной надписью, выполненной красителем синего цвета, следующего содержания: «*Приложение 45*».

Конверт заклеен и опечатан отрезком красной бумаги округлой формы с неровными краями с оттиском гербовой печати «Нотариус И. В. Вязенко. Место нахождения: г. Белгород Белгородской области. Нотариальный округ. Белгородский Белгородской области. № 89», заверен выполненными красителем фиолетового цвета подписями нотариуса И. В. Вязенко и заявителя Г. И. Кеевой. На момент вскрытия видимых нарушений упаковки не обнаружено.

Эксперт _____ ***Кочетова А.В.***

Извлечённый из конверта объект представляет собой диск CD-R, на котором нанесена пояснительная надпись красителем синего цвета: «Приложение 45. 57/173-Н/35-2018-1-888».

На прилагаемом к материалам гражданского дела диске с записью собрания спорные высказывания обнаружены не были, поэтому данная экспертная ситуация связана с анализом косвенных источников.

Представленный текст пригоден для исследования, поскольку обладает такими характеристиками, как понятность, цельность, связность, достаточность лингвистических признаков для решения поставленных вопросов, которые, однако, вопрос о том, содержат ли представленные к исследованию фразы информацию о неэтичном, неправильном поведении истца, не входит в компетенцию лингвиста.

Лингвист не является специалистом в области этики, а потому не может решать поставленную задачу. (решения лингвиста в данном случае содержательно и юридически эквивалентны решениям любого человека (с юридической точки зрения – это мнение частного лица), и нет никакого обоснования, что решения лингвистом этого вопроса будут обладать относительно решений, например, врача или рабочего, какими-то преимуществами.

Вопрос о том, унижает ли данная информация честь и достоинство Трунова А.А также не входит в компетенцию лингвиста. Этот вопрос может пониматься как поставленный относительно психологии, и тогда устанавливается факт: нанесли ли эти сведения моральный вред Трунову А.А, или он ничего не испытал, но, пользуясь правом подавать иски, решил выиграть дело для того, чтобы получить деньги от ответчика. Или этот вопрос может пониматься юридически как такой, который касается установления обстоятельств, образующих состав правонарушения, в соответствии с этим необходимо установить, были ли высказаны фактические утверждения, имел ли место факт их распространения, были ли эти утверждения сообщениями о нечестных поступках или нарушении законодательства, соответствуют ли эти утверждения действительности. Естественно, что установление всех этих обстоятельств не входит в компетенцию лингвиста.

Таким образом, из поставленных вопросов лишь два (о наличии / отсутствии негативной информации о лице и об оскорбительности высказывания) входят в компетенцию лингвиста-эксперта.

Эксперт _____ *Кочетова А.В.*

Вопрос об оскорбительности в данном случае может быть решен однозначно. Данный вопрос решается не относительно фактических эмоциональных состояний истца, а по отношению к речевому поведению ответчика в смысле кодируемой ответчиком в его сообщении информации.

Очевидно, что словосочетание «*страшный человек*» может являться частью речевого акта «оскорбление» только при вполне определенных условиях. Предположим, что действительно ответчик произносил фразу «*Ты страшный человек*» с целью оскорбить истца, тогда он должен был по меньшей мере повысить силу голоса либо выбрать агрессивную интонацию, но и в этом случае его ожидает коммуникативная неудача, так как словосочетание «*страшный человек*» ивективно слабое и имеет очень низкую предрасположенность вызывать перлокутивный эффект оскорбления.

Это подтверждается поведением истца в судебном заседании, истец оспаривал эту фразу не в аспекте того, что был факт оскорбления, а в аспекте ее несоответствия действительности (своим поведением в суде истец показывал, что он не реагирует на произнесенную в его адрес фразу как на оскорбление). Реакция же на оценочные высказывания, как если бы они были высказываниями фактическими, согласуется с информативными свойствами анализируемого высказывания.

Несмотря на то, что вопросы поставлены так, что большинство из них выходит за пределы компетенции лингвиста, эксперт может воспользоваться правом экспертной инициативы и включить в свои выводы информацию об обстоятельствах, которые имеют значение для разрешения дела по существу, но относительно которых ему не были заданы вопросы (п. 2 ст. 86 ГПК РФ).

В данном случае лингвист может решить вопрос о речевом поведении говорящего: утверждал ли говорящий фактическую информацию о мире либо о своем ментальном состоянии или высказывал оценку. Традиционно этот вопрос формулируется следующим образом: **«Являются ли данные высказывания утверждением о фактах или субъективным мнением (оценкой) говорящего?»** Этот вопрос, очевидно, может быть решен лингвистом-экспертом.

Словосочетание «*страшный человек*» может являться частью фразы «*Ты страшный человек*», «*Он страшный человек*».

В словосочетании слово «*страшный*» реализует следующее значение: **«вызывающий страх (о событиях или предметах, вызывающих чувство боязни, ужаса)»** (С.И. Ожегов Толковый словарь русского языка М., 1987, с. 687).

Эксперт _____ Кочетова А.В.

При любых условиях (то есть в любых контекстах) данное словосочетание выражает оценку действий того лица, которое оценивается говорящим.

Фраза «разворовал все садовое общество, едешь на машине с прицепом и собираешь металлолом» также не содержит инвективных средств, потому не является оскорбительной. В том виде, в каком фраза представлена к исследованию, она должна быть обращена к Трунову А.А. и представлять собой речевой акт обвинения. Анализируемая фраза состоит из двух частей:

- 1) «разворовал все садоводство»
- 2) «едешь на машине с прицепом и собираешь металлолом».

Данные части относятся друг к другу, как объясняющее и объясняемое.

Во второй части утверждается о факте, что Трунов А.А., на своей машине собирает металлолом в садоводстве, в первой – его действия квалифицируются как воровство. Условия ложности содержания всей фразы будут заключаться в следующем:

- 1) Трунов А.А. не собирает металлолом в садоводстве;
- 2) Трунов А.А. собирает металлолом в садоводстве, но имеет на это право.

Таким образом, данная фраза содержит следующие утверждения о фактах:

- А) Трунов А.А., собирает в садоводстве металлолом.
- Б) Использует для этого свою машину с прицепом.
- В) Делает это (собирает металлолом) самовольно, без согласования с кем-либо.

Литература

Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Баранов, А. Н. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) / А. Н. Баранов, И. М. Кобозева // Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка, 1983, № 3. С. 263-274.

Баранов, А. Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов // Юрислингвистика – 11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов. – Кемерово, 2011. С. 314-326.

Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592с.

Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: Монография / К. И. Бринев / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.

Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2006. – 1534 с.

Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике: избранные труды. – М., 1975. С. 53-87.

Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус.яз. 2000. – 1209 с.

Ковтунова, И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения / И. И. Ковтунова. – М., 1976. – 292 с.

Выводы

1. Словосочетание и фраза, представленные к исследованию, не содержат инвективных лексических средств, потому не являются оскорбительными.

2. Вопрос о том, содержат ли представленные к исследованию фразы информацию о неэтичном, неправильном поведении истца, не входит в компетенцию лингвиста.

3. Вопрос о том, унижает ли данная информация честь и достоинство Трунова А.А. не входит в компетенцию лингвиста.

4. Словосочетание «страшный человек» не может входить в состав фактических утверждений, но может являться только оценкой.

5. Если в адрес Трунова А.А., была произнесена фраза «разворовал все садовое общество, ездись на машине с прицепом и собираешь металлолом», то говорящий утверждал факты:

А) Трунов А.А., собирает в садоводстве металлолом.

Б) Использует для этого свою машину с прицепом.

В) Делает это (собирает металлолом) самовольно, без согласования с кем-либо.

6. Словосочетание и фраза, представленные к исследованию, содержат негативную оценку Трунова А.А.

Эксперт _____ *Кочетова А.В.*